

На правах рукописи

САПОЖНИКОВА Юлия Львовна

КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ДОМИНАНТА В АФРО-АМЕРИКАНСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ
И НОВЫХ ИСТОРИЯХ РАБОВ (XIX – XXI ВВ.)

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Смоленск – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

Научные консультанты: доктор филологических наук, профессор
Римма Вульфовна Гуревич;
доктор филологических наук, профессор
Александр Владимирович Ващенко

Официальные оппоненты: **Лунина Ирина Евгеньевна,**
доктор филологических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет», зав. кафедрой истории зарубежных литератур факультета русской филологии

Сидорова Ольга Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Филологический факультет», зав. кафедрой германской филологии

Тлостанова Мадина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации», профессор кафедры философии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»**

Защита состоится 19 февраля 2015 года в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»: <http://www.ivanovo.ac.ru/ru/science/attestation-science>

Автореферат разослан 19 ноября 2014 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, проф.

Е.М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время в культуре многих стран очевиден этнический парадокс: всплеск интереса к истории и культуре собственного этноса на фоне глобализации, которая, казалось бы, должна приводить к унификации культуры и повсеместному стиранию этнических элементов в жизни людей. Особенно ярко это явление отражено в общественно-культурной жизни тех стран, население которых представляет собой уникальный сплав народов, что характерно для США. Такая ситуация приводит к возникновению “мультикультурализма” – особого подхода к жизни в плюралистическом обществе, требующего “поиска путей понимания и взаимодействия людей, основанных <...> на уважении их отличий, на сотрудничестве и равенстве разных групп” (здесь и далее перевод наш. – Ю.С.)¹.

По мнению многих американистов (А.В. Ващенко, Т.Д. Венедиктовой, Н.А. Высоцкой, А.М. Зверева, Ю.В. Стулова, М.В. Тлостановой, В.М. Толмачева), данный феномен находит свое отражение и в литературе США. Для нее характерны: ориентация на культурное многообразие и отказ от господствовавшей ранее “американо-центристской” модели культуры, включавшей ядро (мейнстрим) и пограничье (литература национальных меньшинств). В настоящее время сформировалась другая модель – плюралистическая, в которой бывшие “маргинальные литературы” играют одну из определяющих ролей. В связи с этими процессами поиски ответа на вопрос “Кто мы?”, который в силу культурно-исторической специфики США (как государства, объединяющего представителей разных этнических групп, религиозных вероисповеданий и языковых общностей) всегда являлся ключевым, обретают всё большую актуальность и остроту.

На первый план в таких поисках выходит категория “идентичность”. Под термином “категория” в философии понимается ключевое понятие, которое отражает самые важные и существенные черты действительности. Действительно, “идентичность” является фундаментальной категорией, неким изначальным кодом, с позиций которого люди воспринимают свою историю, окружающий их сегодня мир, а также будущее. “Идентичность есть понимание того, кто ты и куда ты стремишься. В этом случае она строится на чувстве неразрывности прошлого, настоящего и будущего. Конструировать свою идентичность означает координировать собственное мнение о себе с восприятием мнения других”².

Построение идентичности всегда связано с определением своей схожести с другими и отличительности от них. Идентичность играет важную роль в жизни любого человека, так как она определяет его / ее поведение³.

Социологи (И. Гоффман, Ю. Хабермас) при выделении структурных компонентов идентичности особо отмечали:

¹ Calhoun C., Light D., Keller S. Sociology. 6th ed. NY: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 266.

² Ibid. P. 140.

³ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО “Издательство АСТ”: ООО “Транзиткнига”, 2004.

– самоидентичность как восприятие человеком себя в социальной ситуации;

– личностную идентичность как определение своих индивидуальных свойств в сравнении с чертами других людей;

– социальную идентичность как описание себя с точки зрения других на основе характеристик некой социальной группы⁴.

С. Хантингтон называет 4 важных момента, касающихся идентичности:

– индивид может приобретать либо менять свою идентичность только в социальной группе / группах;

– идентичность – это всегда некий конструкт, наши сконструированные представления о себе самом;

– для индивидов характерно обладание множественными идентичностями, единственным исключением из данного правила является некая экстремальная социальная ситуация;

– наконец, самовосприятие индивида напрямую зависит от его восприятия другими людьми, причем последнее даже может становиться частью идентичности индивида⁵.

Среди различных источников самоидентификации самыми важными, по мнению С. Хантингтона, являются аскриптивные (данные нам от рождения: возраст, пол, кровное родство, расовая принадлежность и т.п.), культурные (языковая, национальная, религиозная, племенная и т.п. принадлежность), территориальные, политические (включающие и идеологию), экономические и социальные⁶.

Идентичность может восприниматься и как литературоведческая категория, так как художественная литература, как часть культуры, ориентирована на то, чтобы сохранить, воспроизвести и / или переосмыслить особенности индивидуального и группового поведения. Литература может определить, что останется от прошлого опыта, будет ли он забыт или проинтерпретирован заново и использован для конструирования идентичности новых поколений. На это указывают многие литературоведы. Например, американский литературовед Г. Джей отмечает, что литература “...в основном занимается исследованием и пересозданием идентичностей”⁷. Неудивительно, что в 1990-е гг. в США вышло несколько антологий, в заглавии которых на первый план выходит слово “идентичность”: “Американские идентичности. Современное мультикультурное многоголосье” (пер. названия – М.В. Тлостанова) (“American Identities. Contemporary Multicultural Voices” (1994)), “Американское разнообразие. Американская идентичность” (“American Diversity. American Identity” (1995)). Авторы рассматриваемых в этих сборниках произведений писали в разное время и отно-

⁴ Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

⁵ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО “Издательство АСТ”: ООО “Транзиткнига”, 2004. С. 50 – 53.

⁶ Там же. С. 58 – 59.

⁷ Jay G.S. American Literature and the Culture Wars. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. P. 27.

сятся к разным этническим и субкультурным группам, но все вместе они, по мнению составителей этих антологий, помогают понять, что представляют собой американцы. Таким образом, идентичность становится не просто категорией исследования культуры, но и категорией литературоведческого анализа.

Проблема осознания идентичности, того, что значит быть американцем, находится в центре всей литературы США, но в произведениях авторов, принадлежащих к национальным меньшинствам и представляющих “маргинальную литературу”, эта проблема обретает другие тона и значимость. Это связано с тем, что долгое время этнические группы, к которым принадлежали эти писатели, были вынуждены мириться с «культурной немотой, насильственной ассимиляцией, “невидимостью”»⁸, они были практически полностью лишены связи со своей исконной культурой. В первую очередь это касается афро-американской литературы. Это обусловлено культурной травмой, которую рабство нанесло всему темнокожему населению, отняв у рабов человеческий статус и превратив их в жертв, лишенных силы слова и мысли. Поэтому афро-американцам необходимо было заново проинтерпретировать прошлое, чтобы перестроить коллективную идентичность. По словам Р. Айермана, “подобно физической или психической травме дискурс, связанный с обсуждением культурной травмы, – есть некий посреднический процесс, включающий альтернативные стратегии и альтернативные точки зрения. Этот процесс нацелен на воссоздание или реконструкцию коллективной идентичности через коллективное представление, как способ залатать разрыв в социальной ткани”⁹.

В целом проблема самоидентификации является центральной для всей афро-американской литературы. На это указывали многие отечественные исследователи (А.В. Ващенко, Н.А. Высоцкая, Б.А. Гиленсон, О.Ю. Панова, Ю.В. Стулов, И.М. Удлер). Рассуждая об афро-американской литературе середины XX века, Ю.В. Стулов отмечал, что «ведущей темой творчества большинства писателей этого поколения была тема самоидентификации, осознания себя через душевный кризис и преодоление чувства стыда за свою “черноту”»¹⁰. О ключевом характере названной проблематики для культуры черных говорил и Б.А. Гиленсон. В этой связи достаточно вспомнить известные романы “Автобиография бывшего цветного” Д.У. Джонсона, “Сын Америки” Р. Райта, “Человек-невидимка” Р. Эллисона. В данных произведениях затрагивались вопросы психологического самоопределения темнокожих на описываемом историческом этапе, обусловленности их идентичности расовыми, классовыми, гендерными стереотипами того дня, отказом белых видеть в них личность, рассматривалась “инаковость” афро-американцев в сегрегированном обществе Америки. То есть на первый план в таких произведениях выходят, прежде всего, пробле-

⁸ Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 32.

⁹ Цит. по: Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (Опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 65.

¹⁰ Стулов Ю.В. Двойственное сознание афро-американца в творчестве афро-американских писателей // Культура и литература США: Проблемы поэтики и эстетики: материалы XXV междунар. конф. ОИКС. М., 1998. С. 90.

ма поиска своего места в обществе, протест против несправедливости общественного мироустройства.

Однако классические и новые истории рабов, составляющие предмет нашего исследования, выходят на иной уровень изучения этой проблематики, они, в первую очередь, сосредоточивают внимание на целостности и полноценности “Я” темнокожего человека. Трактую рабство как **ключевой** исторический этап, определивший идентичность всего темнокожего населения, эти произведения в своем исследовании образа “Я” доходят до первоисточков формирования “стигматизированной идентичности” (термин И. Гофмана¹¹), они не просто описывают особенности повседневной жизни рабов (тяжелый труд, голод, порки и т.п.), а раскрывают социальные и психологические механизмы превращения людей в существ, лишенных человеческого достоинства. Однако на примере отдельных героев писатели показывают разные способы сохранения рабами личностной целостности, что позволяет найти в прошлом причины для гордости за свою этническую группу, а значит, для формирования положительного самоотношения. То есть историко-культурный фактор – основа и источник возникновения жанра. Интерес к проблеме идентичности в данных текстах связан, в первую очередь, с историей афро-американцев в Новом Свете, их сосредоточенность на поисках своей идентичности объясняется желанием восстановить справедливость и исправить ущерб, нанесенный институтом рабовладения каждому темнокожему в отдельности и всей расе в целом.

Термины “классические истории рабов” и “новые истории рабов” требуют разъяснения. Мы используем их в качестве эквивалентов английских терминов “slave narrative” и “neoslave narrative”, которые закреплены в американской литературной критике. “Истории рабов” (или “классические истории рабов”) (“slave narrative”) – это автобиографические повествования, рассказанные белым переписчикам-редакторам или написанные самими беглыми или освобожденными рабами (конец 18 – начало 20 вв.). “Новые истории рабов” (“neoslave narrative”) – произведения современных афро-американских писателей, которые повествуют о временах рабства в Новом Свете или о последствиях этого опыта для современных афро-американцев (произведения этого жанра начали появляться в конце 1960-х гг. и создаются до настоящего времени). Сама общность английских названий говорит о неразрывной связи этих двух жанров, что мы и попытались передать в своих эквивалентах этих терминов.

Английское обозначение жанра “slave narrative” имеет следующие варианты перевода в отечественном литературоведении: “невольничьи повествования” (И.М. Удлер, И.С. Романова), “невольничьи были” (редакторы книги “Черные американцы в истории США”), “повествования рабов” (О.Ю. Панова), “повествования беглых рабов” (Б.А. Гиленсон, А.В. Лаврухин), “рассказы беглых рабов” (Т.К. Цинцадзе) и “негритянская автобиография / автобиография черных невольников” (А.В. Ващенко). Определение “невольничьи” кажется нам недостаточно точным соответствием компоненту “slave”, входящему в наиме-

¹¹ Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. М.: Институт социологии РАН, 2003.

нование жанра. Во-первых, слово “slave” является традиционно употребляемым обозначением социальной группы, что нельзя утверждать о прилагательном “невольничьи”, образованном от существительного “невольник”. В русском языке слово “невольник” может обозначать как американского раба или поступавшего в услужение на какое-то время обнищавшего белого, так и русского крепостного. Кроме того, слово “невольник” часто используется в переносном значении (“невольник чести” у М.Ю. Лермонтова).

В варианте термина, предложенном А.В. Ващенко, на наш взгляд, делается акцент на письменной форме репрезентации и на классическом жанровом наименовании, в то время как компонент “narrative”, входящий в определение жанра, напротив, подчеркивает связь этих произведений с устной традицией. В этом нас убеждает этимология слов “narrative” и “(auto)biography”: существительное “narrative” восходит к латинскому существительному “narratus”, а от него – к глаголу “narrare” (означающему “1) рассказывать, сообщать, извещать, 2) говорить”), а тот, в свою очередь, происходит от глагола “gnare” (имеющего лишь одно значение – арх. “рассказывать”); в то время как морфема “graph” в корне слова “(auto)biography” восходит к греческому глаголу со значением “писать”.

Другие термины – “повествования рабов”, “повествования беглых рабов” и “рассказы беглых рабов” – не учитывают тот факт, что произведения создавались не только беглыми, но и освобожденными рабами. Кроме того, подлинными авторами-посредниками таких повествований зачастую были белые, переписчики-редакторы, которые записывали то, что им диктовали неграмотные темнокожие.

На наш взгляд, наиболее адекватным является термин “истории рабов”, ибо, с одной стороны, он учитывает все перечисленные ранее особенности, а, с другой – слово “история” означает одновременно как “повествование” самого раба, так и “рассказ” о его жизни, независимо от того, кто является автором этого рассказа.

Для описания произведений беглых или освобожденных рабов мы используем термин “истории рабов”, добавляя к нему определение “классические” в случае их сопоставления с произведениями современных афро-американских авторов, ведь именно в повествованиях первых темнокожих писателей была заложена система культурных координат, без знания которой невозможно понять современную афро-американскую литературу. Истории рабов образуют основу данной литературной традиции. Отечественная исследовательница И.М. Удлер считает тексты данного жанра архетипической моделью для афро-американского романа XIX и XX веков¹². Как нам кажется, эти произведения становятся прецедентными текстами для всей афро-американской литературы, но, в первую очередь, для жанра “новые истории рабов”. Вслед за Ю.Н. Карауловым мы выделяем в качестве прецедентных текстов произведения, значимые

¹² Удлер И.М. Архетип «невольничьего повествования» в афро-американском романе второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2005. Серия 3. Филология. Вып. 3.

в познавательном или эмоциональном аспекте, известные большинству носителей языка, частотные при рассмотрении и обращении¹³.

Классические “истории рабов”, безусловно, являются такими прецедентными текстами; они содержат в своей структуре определенный набор ценностных ориентаций для представителей этноса, хранят этнически окрашенные сведения о мире и способах его интерпретации. Современные афро-американские авторы постоянно обращаются к этим текстам. Жанр “истории рабов” становится моделью, своеобразным каноном и в этом смысле классикой для всей афро-американской литературы, так как он содержит в себе те аспекты, которые в дальнейшем станут основными направлениями афро-американского литературного дискурса, как отмечал в своей работе А.В. Ващенко¹⁴, а именно автобиографическое, публицистическое и фольклорное направления.

Поиск идентичности, рассмотрение разных ее аспектов становится художественной доминантой обеих литературных форм. Как известно, все компоненты произведения обладают разной силой. Ю.Н. Тынянов писал о существовании в тексте “доминанты” (выдвинутой группы элементов) и о деформации остальных составляющих и подчеркивал, что “произведение входит в литературу, приобретает свою литературную функцию именно этой доминантой”¹⁵. Несомненной доминантой рассматриваемых произведений является категория идентичности, которая выступает не только как тема рассматриваемых произведений, но и как основной принцип художественного построения текстов.

Актуальность данного исследования обусловлена как общей тенденцией мирового развития, связанной с обострением проблемы национальной самоидентификации в условиях глобализации в современном мире, так и ориентацией на культурное многообразие и сменой “американо-центристской” модели культуры и литературы на плюралистическую в культуре самой Америки. Кроме того, одним из главных направлений современного литературоведения становится изучение национального своеобразия художественных произведений в междисциплинарном аспекте. Проблематика данной работы соответствует этому общему направлению, что также определяет ее актуальность.

Цель исследования – выявить центральный характер категории идентичности для жанров “истории рабов” и “новые истории рабов”. Данная цель реализуется с помощью решения следующих **задач**:

- изучить роль африканизмов в культуре и традиционном устном дискурсе рабов, а также значимость категории “идентичность” для афро-американской культуры;
- проследить историю становления заявленных жанров;
- раскрыть главные художественные особенности рассматриваемых литературных жанров;

¹³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

¹⁴ Ващенко А.В. Литература афро-американцев в послевоенный период // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1865 – 1900 (становление реализма). Том 4. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

¹⁵ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 277.

- показать конструирование идентичности через систему бинарных оппозиций в классических историях рабов;
- рассмотреть языковые стратегии сопротивления доминантному дискурсу на примере историй рабов, написанных авторами-мужчинами и -женщинами, сравнить особенности категории “идентичность” в их произведениях;
- определить особенности тематики и повествовательной структуры романов разных типов, которые написаны рассматриваемыми современными авторами;
- показать способы переосмысления системы оппозиций, характерной для классических историй рабов, в современных произведениях рассматриваемых авторов;
- установить основные повествовательные особенности новых историй рабов;
- проследить эволюцию категории идентичности как доминанты заявленных жанров;
- выявить идейно-художественные отличия между классическими и новыми историями рабов.

Объектом исследования являются эволюция категории идентичности в современном жанре “новые истории рабов” в их сопоставлении с классическими произведениями первых темнокожих авторов, вопросы влияния классических историй рабов на новые и переосмысления современными афроамериканскими писателями наследия своих предшественников.

В качестве **предмета** рассмотрения выступают жанры “истории рабов” и “новые истории рабов” и ключевая для них категория идентичности.

Материалом исследования служат произведения следующих **авторов XVIII-XIX веков**: Б. Хэммона (Briton Hammon, 1760), Ю. Гроньосо (Ukawsaw Gronniosaw, 1770), О. Кьюгоано (Ottobah Cugoano, 1787), С. Бейли (Solomon Bayley, 1825), М. Принс (Mary Prince, 1831), Фр. Дугласа (Frederick Douglass, 1845), С. Аги (Selim Aga, 1846), Г. Бибба (Henry Bibb, 1849), Дж. Хенсона (Josiah Henson, 1849), Странствующей Истины (Sojourner Truth, 1850), Г.Б. Брауна (Henry Box Brown, 1851), У. и Э. Крафтов (William and Helen Craft, 1860), Г. Джейкобс (Harriet Jacobs, 1861), Л. Пике (Louisa Picquet, 1861), Э. Кекли (Elizabeth Keckley, 1868), Ш. Брукс (Charlotte Brooks, 1890) и **современных афроамериканских авторов**: Э. Гейнса (E.J. Gaines, 1971), И. Рида (I. Reed, 1976), Ч. Джонсона (Ch. Johnson, 1982, 1990), Ш.Э. Уильямс (Sh.A. Williams, 1986), Т. Моррисон (T. Morrison, 1987), А. Хейли (A. Haley, 1988), Б. Чейз-Рибу (B. Chase-Riboud, 1994), Л. Меривезер (L. Meriwether, 1994), Л. Кэри (L. Cary, 1995), Д. Э. Дархема (D.A. Durham, 2002), Э. Джоунса (E.P. Jones, 2003), Дж. Макбрайда (J. McBride, 2008), Н. Картер (N. Carter, 2010). В работе затрагиваются произведения всех указанных писателей, что позволяет создать широкий контекст для рассмотрения реализации категории “идентичность” и для анализа новых историй рабов как в синхроническом, так и в диахроническом ключе (в их сравнении с классическими историями рабов).

Выбор книг не является случайным или произвольным, он закономерен. Материалом исследования выступают произведения признанных мастеров аф-

ро-американской литературы, а также тексты, отмеченные критиками и литературоведами. Обращение к наиболее значительным и хорошо известным в афро-американской литературе авторам обусловлено тем, что наиболее полно, ярко и определенно особенности жанра проявляются в произведениях больших творческих индивидуальностей. Выбор современных произведений обусловлен, во-первых, широким временным охватом (от 1971 до 2010 гг.), во-вторых, отражает различную гендерную принадлежность авторов и разницу их творческих методов и стилей. Рассмотренные все вместе эти произведения позволяют выделить характерные черты жанра “новые истории рабов” и выстроить их типологию.

Степень изученности темы работы нельзя назвать достаточной, исчерпанной. Жанр “истории рабов” подробно рассматривался в книге и статьях И.М. Удлер, а также в работах А.В. Ващенко, Б.А. Гиленсона, О.Ю. Пановой, Т.К. Цинцадзе, С.А. Чаковского. В монографии И.М. Удлер¹⁶ исследуются историческая почва возникновения и развития жанра “невольничьи повествования”, произведения авторов, стоявших у истоков жанра, период расцвета “школы героических беглецов”, отношение авторов к письменному слову и к устной традиции; подробно анализируются все три варианта автобиографии Фр. Дугласа. В диссертации О.Ю. Пановой¹⁷ рассматриваются отдельные разновидности негритянских повествований 19 века: признания и духовные автобиографии, аболиционистские повествования рабов, повествования беглых рабов и их жанровые особенности (на основе конкретных текстов), а также делаются выводы относительно специфики анализа данных произведений на Западе. В работах А.В. Ващенко¹⁸, Б.А. Гиленсона¹⁹, Т.К. Цинцадзе²⁰, С.А. Чаковского²¹ также называются жанровые особенности этих произведений. Однако, упоминая важность проблематики идентичности для данного жанра, ни один из названных исследователей не анализирует ее подробно.

Среди новых историй рабов наиболее широко и обстоятельно изучена “Возлюбленная” Т. Моррисон: этому произведению посвящено большое количество диссертационных работ (Л.А. Агрбы, И.В. Гусаровой, Т.В. Кузьмич, Е.В. Пискун, С.А. Пухнатой) и отдельных статей (А.М. Зверева, Н.Ю. Тихонович, И.М. Удлер, Л. Цехановской и других). Диссертационные работы названных ученых посвящены творчеству Тони Моррисон в целом, поэтому роман

¹⁶ Удлер И.М. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра “невольничьего повествования” в XVIII – XIX веках. Челябинск: Энциклопедия, 2009.

¹⁷ Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М., 2014.

¹⁸ Ващенко А.В. Жанр негритянской автобиографии. Возникновение романа // История литературы США. Литература эпохи романтизма. Том 3. М.: ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2000.

¹⁹ Гиленсон Б., Юркенене И. К проблеме воплощения этнического характера в негритянской литературе // Американский характер: Очерки культуры США. М.: Наука, 1991.

²⁰ Цинцадзе Т.К. Очерк развития негритянской литературы США. Тбилиси: Изд-во Тбил. унта, 1983.

²¹ Чаковский С.А. Возникновение негритянской литературы // Истоки и формирование американской национальной литературы. XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1985.

“Возлюбленная” не становится предметом всестороннего и многоаспектного изучения, а исследуется применительно к общей концепции всего исследования. Л.А. Агрба²² рассматривает мифосемиотическое пространство произведений Тони Моррисон; И.В. Гусарова²³ прослеживает трансформацию ряда фольклорных тем и христианских мотивов. Т.В. Кузьмич²⁴ останавливается на особенностях женских образов и связи творчества писательницы с традициями и фольклором черных американцев. Е.В. Пискун²⁵ рассматривает произведения Т. Моррисон и Э. Уокер через призму культурных особенностей этнической группы. С.А. Пухнатая²⁶ исследует синтез социального и мифологического и важность символики цвета и описаний природы в романе Т. Моррисон.

“Истории пастуха” Ч. Джонсона посвящена статья С. Гуриновича²⁷, затрагивающая единичные аспекты тематики и формы произведения. Ю.В. Стулов²⁸ рассматривает роман Ч. Джонсона “Переход через Атлантику” и анализирует нарративные стратегии автора, указывая на связь этого романа с традициями “невольничьих повествований”. И. Рид также является известной фигурой в отечественной американистике, однако большинство работ исследователей посвящены его роману “Мамбо Джамбо” (С.А. Пухнатая, М.В. Глостанова, С.А. Чаковский). Романы остальных выбранных нами писателей вообще не рассматривались в отечественном литературоведении.

И.М. Удлер в своей статье²⁹ также пишет об использовании архетипа “невольничьих повествований” в некоторых современных произведениях афроамериканцев (романах “Долгий сон” Р. Райта, “Автобиография мисс Питтман” Э.Дж. Гейнса и “Возлюбленная” Т. Моррисон). Данный архетип, по ее мнению, дает о себе знать в проблематике, сюжетах, хронотопе, системе персонажей, образах-символах, композиции. Ю.В. Стулов в статьях «“Невольничье повествование” и современный афроамериканский исторический роман» (2010)³⁰ и

²² Агрба Л.А. Мифосемиотическое пространство романов Тони Моррисон: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нальчик, 2004.

²³ Гусарова И.В. Литературная традиция в творчестве афроамериканских писателей последней четверти 20 века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2003.

²⁴ Кузьмич Т.В. Творчество Тони Моррисон в контексте литературы США второй половины XX века: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2009.

²⁵ Пискун Е.В. Мультикультурализм США и культура афроамериканцев (Т.Моррисон, Э.Уокер): дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01. М., 2001.

²⁶ Пухнатая С.А. Художественная проза Т. Моррисон (новые тенденции в современной негритянской литературе США): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М., 1991.

²⁷ Гуринович С. Роман Чарльза Джонсона “Oxherding Tale” и традиции невольничьего повествования // Американские исследования: ежегодник, 2004 – 2005 / под ред. Ю.В. Стулова. Мн.: ПроPILEI, 2006.

²⁸ Стулов Ю.В. Чарльз Джонсон: путешествие в историю // Художественное слово в пространстве культуры: материалы междунар. научн. конф, посвященной 30-ю кафедры зарубежной литературы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007.

²⁹ Удлер И.М. Архетип «невольничьего повествования» в афро-американском романе второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2005. Серия 3. Филология. Вып. 3.

³⁰ Стулов Ю.В. “Невольничье повествование” и современный афроамериканский исторический роман // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24).

“Переосмысление истории в современном афроамериканском романе” (2010)³¹ рассматривает отдельные произведения современных афро-американских писателей в их взаимосвязи с невольничьими повествованиями. В первом случае автор статей анализирует романы И. Рида, Ч. Джонсона и Э.П. Джонса, во втором – “Юбилей” М. Уокера и “Корни: Сага американской семьи” А. Хейли, а также их влияние на пентологию романов Тони Моррисон. Исследователь показывает, как современные писатели, с одной стороны, опираются на классический для афро-американской литературы жанр, а, с другой, экспериментируют с ним и создают некие жанровые гибриды, целью которых является демифологизация истории и иронический пересмотр отдельных событий. В статье “Жанр неоневольничьего повествования в современной афроамериканской литературе” (2012)³² Ю.В. Стулов рассматривает романы “Бегство в Канаду” И. Рида и “Знакомый мир” Э.П. Джонса в рамках жанра неоневольничьего повествования. При этом основное внимание исследователь уделяет пародированию истории и интертекстуальным пересечениям у И. Рида и переключкам с темами и сюжетами авторов невольничьих повествований, а также использованию приемов магического реализма у Э.П. Джонса. Однако рамки статьи не позволяют Ю.В. Стулову остановиться на всем потоке неоневольничьих повествований и определить основные особенности этого жанра.

Другие отечественные литературоведы не говорят о жанре “новые истории рабов” и не исследуют особенности обсуждаемых романов в рамках этого жанра. Никто из отечественных исследователей подробно не останавливается и на репрезентации категории идентичности в произведениях современных афроамериканских авторов. Исследования по теме работы носят разрозненный и несистематический характер, они дают представления об определенном авторе, но не о жанре “новые истории рабов” в целом.

Определение жанрового своеобразия данной ветви американской литературы зачастую декларативно представлено и в зарубежном литературоведении. В работах Кайзер (A.R. Keiser³³), Рушди (A.H.A. Rushdy³⁴), Сиверс (S. Sievers³⁵), Сполдинга (A.T. Spaulding³⁶) вводится жанровое наименование “новые истории рабов” либо его варианты, рассматриваются отдельные произведения, принадлежащие к данной ветви литературы, но в них отсутствуют обобщения, касаю-

³¹ Стулов Ю.В. Переосмысление истории в современном афроамериканском романе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. Вып. 12.

³² Стулов Ю.В. Жанр неоневольничьего повествования в современной афроамериканской литературе // Вестник Львовского университета. 2012. Вып. 20.

³³ Keiser A.R. Black subjects: identity formation in the contemporary narrative of slavery. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

³⁴ Rushdy A. H. A. Neo-slave narratives: studies in the social logic of a literary form. New York: Oxford University Press, 1999.

³⁵ Sievers S. Liberating narratives: the authorization of black female voices in African American women writers' novels of slavery. Hamburg: Lit; Piscataway, NJ: Distributed in North America by Transaction Publishers, 1999.

³⁶ Spaulding A. T. Re-forming the past: history, the fantastic, and the postmodern slave narrative. Columbus: Ohio State University Press, 2005.

щиеся основных особенностей данного жанра, так как авторы в основном сосредотачивают внимание на тематике и стиле произведений. Мы опираемся на названные труды, но ставим перед собой иную задачу – вывести рассмотрение современных произведений на иной теоретический уровень, на уровень жанровой принадлежности (уделяя при этом особое внимание проблематике идентичности как жанровой доминанте) – и рассмотреть связь классического и нового жанров.

В отечественной науке проблема национальной / гендерной идентичности в литературе исследуется на базе Воронежского, Ивановского и Тюменского государственных университетов, где проводятся конференции по данной тематике. В сборниках “Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века: лекции и материалы Зимней школы (Воронеж, 24 января – 4 февраля 2000 г.)”³⁷ и “Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX – XX веков: материалы международных исследований”³⁸ (Тюмень) можно найти статьи, посвященные изучению особенностей национальных характеров, их сопоставлению, пониманию национальной / гендерной идентичности на материале творчества отдельных писателей. Названной теме посвящена монография М.К. Поповой “Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании”³⁹, в которой исследовательница рассматривает феномен национальной идентичности, начиная со средневековой английской литературы. Исследуя гибридную идентичность, М.К. Попова подробно останавливается на творчестве Л. Хьюза (среди афро-американских авторов) и приходит к заключению, что для поэта афро-американская идентичность объединяет “этно-культурную составляющую” и “социально-политический компонент”⁴⁰. Интересную точку зрения на американскую идентичность можно найти в книге М.В. Тлостановой, которая считает, что национальная идентичность в Америке “формировалась как бы во многом от противного, обретала очертания в определениях того, что не было американским...”⁴¹. В последней части своей монографии исследовательница рассматривает произведения афро-американских писателей: роман И. Рида “Мамбо Джамбо” и трилогию Т. Моррисон “Возлюбленная”, “Джаз”, “Рай”. М.В. Тлостанова отмечает, что “пограничное художественное сознание... – средоточие множества различных текущих идентичностей...”, а его художественным пространством становится “многократно очужденный мир”⁴². В названных работах авторы исследуют, в пер-

³⁷ Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века: лекции и материалы Зимней школы (Воронеж, 24 января – 4 февраля 2000 г.). Т. 2. Воронеж: ЦЧКИ, 2000.

³⁸ Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX – XX веков: материалы международных исследований / отв. ред. Е.Н. Эртнер, А.А. Медведев. Тюмень: Печатник, 2009.

³⁹ Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004.

⁴⁰ Там же. С. 87.

⁴¹ Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 33.

⁴² Там же. С. 352.

вую очередь, литературную идентичность авторов (обусловленность позиции писателя его полом, расой, этносом, классом и т.д.), не выходя при этом за рамки филологического анализа. Такой подход наблюдается и в диссертационных работах Е.М. Бутениной (на материале китайско-американской женской прозы)⁴³, С.А. Кулагина (на материале прозы А.И. Куприна)⁴⁴. В нашем исследовании делается попытка рассмотрения проблематики идентичности с позиций междисциплинарного подхода, с привлечением к анализу литературных произведений данных других научных областей.

Понятие “идентичность” многогранно, оно используется в психологии, социологии, философии, культурологии и ряде других наук. Соответственно, понять этот феномен и осмыслить его реализацию в художественных произведениях можно, только если рассматривать его в единстве всех сторон и аспектов – онтологических, аксиологических, антропологических и художественных. Учитывая первостепенное значение этой категории “идентичность” для рассматриваемых нами жанров, в работе применяются научные представления об идентичности, сформировавшиеся в названных областях знания. Для нашего исследования значимы три подхода к определению идентичности: 1) как самоидентификации, которое человек пытается сконструировать и затем сохранить (М.В. Закозортная, С.В. Лурье, И.В. Малыгина, В.М. Пивоев, Э. Фромм, Д.Н. Шульгина и др.); 2) как образа, создаваемого через сравнение с “другим”, как выполнения неких социальных ролей (П.Дж. Берк, Ш. Берн, И. Кон, В. Малахов, Т.Г. Стефаненко и др.); 3) как набора различных форм деятельности (мыслительной, физической, социальной), которая усваивается человеком (И.А. Аполлонов, И.С. Клецина, Э. Эриксон и др.). Опора на все три подхода объясняется разницей взглядов самих писателей на феномен “идентичности”, выведение на первый план того или иного аспекта этого неоднозначного явления.

Научная новизна исследования, таким образом, заключается в том, что:

1) в работе впервые в отечественном литературоведении делается попытка исследования реализации категории “идентичность” в классических и новых историях рабов;

2) ключевая для данных произведений категория идентичности рассматривается в междисциплинарном аспекте, с привлечением данных других наук: психологии, социологии, культурологии, философии;

3) впервые в отечественном литературоведении рассматривается жанр “новые истории рабов”, разрабатывается его типология, выявляются характерные черты и связь с классическими историями рабов;

4) подробно рассмотренный в отечественном литературоведении жанр “истории рабов” исследуется с новой точки зрения: изучаются те элементы художественной системы этих произведений, которым не уделялось внимание в ра-

⁴³ Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: на материале китайско-американской женской прозы XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2006.

⁴⁴ Кулагин С.А. Проблема национальной идентичности в прозе А.И. Куприна: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2009.

ботах других ученых – их взаимосвязь с новыми историями рабов и проблематика идентичности;

5) исследование взаимосвязи классических и новых историй рабов позволяет рассмотреть последние не только в синхронном срезе, но и в диахронном, что помогает проследить эволюцию категории “идентичность” в афро-американской литературе XIX – XXI веков;

6) в научный оборот вводится ряд ранее неисследованных в отечественном литературоведении произведений (романы Д.Э. Дархема, Э. Джоунса, Дж. Макбрайда, Н. Картер, Л. Кэри, Л. Меривезер, Б. Чейз-Рибу и Ш.Э. Уильямс).

Метод исследования обусловлен междисциплинарным характером работы и представляет собой сочетание элементов биографического, культурно-исторического, структурного, сравнительного, социологического и психологического методов. Текст рассматривается как объемная конструкция, которая вписана в более широкую систему – культуру, поэтому текстовое пространство изучается в его целостности, структурности, взаимозависимости от среды. В литературоведческом анализе используются категориальный аппарат и методология других гуманитарных областей знания – психологии, социологии, культурологии, антропологии. То, что при таком анализе эстетика и поэтика занимают как бы подчиненное место, является отражением новых тенденций в современной литературе США, в которой, по замечанию М.В. Тлостановой, «эстетика является зачастую следствием и выражением новой “мультикультурной чувствительности” или мироощущения»⁴⁵.

Теоретико-методологической основой диссертации, вследствие ее междисциплинарного характера, послужили:

1) исследования отечественных и зарубежных литературоведов, философов и критиков, посвященные вопросам: а) жанра и жанровой типологии, б) мемуарной литературы и автобиографии, в) исторического романа и его типологии;

2) работы психологов, социологов, культурологов, посвященные проблеме идентичности;

3) труды историков, культурологов и литературных критиков, рассматривающие: а) историю афро-американцев и их культуру; б) характерные особенности афро-американской литературы.

Теоретическая значимость исследования состоит в анализе проблемы, которая до настоящего времени практически не попадала в поле зрения отечественных американистов: в работе рассматривается реализация категории “идентичность” в классических и новых историях рабов; кроме того, определяются специфика и типология произведений неисследованного жанра “новые истории рабов”, прослеживается их взаимосвязь с классическими “историями рабов”.

Практическая значимость работы заключается в том, что исследование содержит комплексный анализ ранее неисследованного в отечественном литературоведении жанра “новые истории рабов”. Выводы и обобщения работы мо-

⁴⁵ Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. С. 9.

гут использоваться в теоретических курсах по истории и теории американской литературы и культуры, а также при проведении семинаров и спецкурсов в рамках изучения зарубежной литературы. Результаты исследования также могут быть использованы при разработке учебных пособий, в комментариях к рассматриваемым текстам.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие этнокультурной идентичности возникает как реакция в условиях внешнего давления на социум.

2. Становление и возрастание значимости этнокультурного фактора в мировом масштабе порождает в литературе проблему взаимосвязи этнокультурной идентичности и жанровой специфики.

3. В силу определенных исторических условий в США (рабство, а затем сегрегация) в афро-американской художественной прозе выстраивается тройная взаимосвязь: этнокультурный фактор – авторская позиция – обусловленный этнокультурным фактором жанровый нарратив.

4. Категория идентичности становится художественной доминантой классических и новых историй рабов.

5. Классические истории рабов являются прецедентными текстами для жанра “новые истории рабов”, современные произведения афро-американцев подхватывают и развивают темы, заявленные их предшественниками, и проблематику, связанную с поиском идентичности.

6. Классические и новые истории рабов являются жанровыми модификациями традиционных литературных форм, то есть они возникли как результат синтеза хорошо известных жанров, уходящих корнями в европейскую литературу (автобиографии, плутовского и сентиментального романов – для текстов первых темнокожих писателей; исторического романа – для произведений современных афро-американских писателей), и элементов традиционной африканской культуры, закрепившихся на американской почве.

7. Проблематика, связанная с поиском идентичности в классических повествованиях, реализуется в ряде мотивов и тем, которые продолжают сохраняться и в произведениях современных афро-американских авторов: калечащие душу условия существования в рабстве; мотив свободы; значимость имени; трикстеризм.

8. Ряд мотивов зависит от гендерной принадлежности писателя как в классических, так и в новых историях рабов; кроме того, для афро-американских писательниц-авторов новых повествований рабов характерно сознательное стремление переосмыслить и повторить ранние канонические тексты; авторы-мужчины чаще всего пытаются развенчать теории “черной” жизни, созданные их предшественниками.

9. Основная трансформация в жанровой эволюции от классических историй рабов к новым касается проблемы идентичности: в классических историях рабов проблема идентичности выстраивается через систему бинарных оппозиций, что приводит к изображению героя как индивида (как части больших групп и систем); в новых историях рабов идет деконструкция стереотипных, а потому разрушительных бинарных оппозиций (“белый – черный”, “хозяин –

раб” и т.п.), поэтому порабощенные герои в этих современных текстах предстают как личности (в первую очередь, как неповторимые люди со своими интересами, потребностями, способностями и уровнем развития, и только потом как представители определенного народа, класса, этнической группы).

10. Спектр интерпретаций категории идентичности в современных текстах достаточно широк и зависит от мировоззрения и эстетических взглядов писателей: в разных типах произведений идентичность трактуется как социальная, философская, психологическая категория; это обуславливает выведение разных типов конфликта в качестве центрального в рассматриваемых романах и особый акцент на разных оппозициях, а также разную повествовательную перспективу.

11. Существенные отличия двух жанров касаются используемой повествовательной формы (повествование от первого лица в историях рабов заменяется повествованием от лица нескольких персонажей, либо от имени всезнающего повествователя, либо соединением этих двух форм в современных произведениях), отношений между читателями и писателем (следование языковым и нравственным нормам белых читателей в произведениях первых темнокожих авторов и вовлечение читателей в равноправный диалог у современных писателей) и хронотопа (отказ от линейного, хронологического порядка ведения рассказа в новых историях рабов).

12. Различия между классическими и новыми историями рабов обусловлены отходом многих современных авторов от реалистических средств воспроизведения действительности и использованием новых методов изображения мира: постмодернизма и магического реализма; данные произведения направлены на пародирование литературы белого истеблишмента, на пересмотр канонов, на критику традиционной исторической веры в объективность, аутентичность и реализм как средство репрезентации прошлого.

Диссертация соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (американская литература)», в частности следующим его пунктам: п. 3 – проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п. 4 – история и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп; п. 5 – уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; п. 6 – взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы представлялись в докладах на международных конференциях: в МГУ им. М.В. Ломоносова (2008 г., 2009 г., 2010 г., 2011 г.); в РГГУ (2010 г., 2011 г.); в Санкт-Петербургском государственном университете (2010 г., 2011 г., 2012 г.); в Минском государственном лингвистическом университете (2010 г., 2011 г., 2012 г.);

в Смоленском государственном университете (2011 г.); в Воронежском государственном университете (2013 г.); в Киеве (2013г.).

Диссертационное исследование состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 497 наименований. Общий объем работы составляет 457 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении содержится обзор научно-критической литературы по вопросам идентичности и ее значимости для афро-американской литературы, определяются теоретико-методологическая база, основные термины, объект, предмет, материал, цель, задачи исследования, формулируются основная гипотеза работы и положения, выносимые на защиту, дается обоснование актуальности и новизны диссертации, ее теоретической и практической значимости.

В первой главе – «Жанр “истории рабов”: возникновение, своеобразие, проблематика идентичности» – рассматриваются особенности названных произведений, обусловленные их принадлежностью к более широкому жанру автобиографии и центральным характером проблематики идентичности для этих повествований.

Глава открывается **Параграфом 1.1. «Ключевой характер категории “идентичность” для афро-американской культуры»**, посвященным значимости названной категории для темнокожих американцев и способам ее формирования. Выходцы из Африки, привезенные в Новый Свет, подверглись культурной дислокации, были вырваны из родной почвы, оторваны от значимых близких и лишены как материального, так и духовного наследия, что сильно затруднило их самоидентификацию. Производство новой идентичности шло на двух уровнях: недискурсивном и дискурсивном. Последний уровень связан с повествованиями, которые обеспечивают передачу некоего совместного опыта. В случае с американскими рабами эту функцию выполняли истории рабов (произведения, которые начали появляться во второй половине 18 века). Ведь “историческое повествование – это образ производства идентичности”⁴⁶, а значит, с помощью рассказов авторы историй рабов помогали соплеменникам сплотиться и бороться против угнетения, пробуждали в них самоуважение и веру в возможность сохранения своего “Я”. К произведениям, целью которых было создание новой идентичности афро-американцев, принадлежат и новые истории рабов (романы, которые начали появляться с 60-х гг. 20 века). Они представляют собой произведения о рабстве как о ключевом историческом периоде, повлиявшем на идентичность и современных афро-американцев. Эти тексты говорят о прошлом, “оживляют” его, делают достоянием настоящего и через новую интерпретацию ключевого события прошлого (рабства) помогают строить будущее.

⁴⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 500.

В Параграфе 1.2. “Роль африканизмов в культуре и традиционном устном дискурсе рабов” мы рассматриваем те элементы африканской культуры, которые сохранились в Новом Свете. Несмотря на попытки белых колонизаторов истребить их связь с прошлым, рабы сохранили значительное количество базовых элементов культуры Африки (так называемых “африканизмов” – термин А.В. Ващенко), но творчески переработали их с учетом нового опыта на американской земле. Они создали собственную ни на что не похожую музыку (спиричуэлс), говорили на особом варианте английского (с использованием практики зова-и-ответа и особого “эзопова” языка), переработали некоторые африканские религиозные ритуалы и применяли их в Новом Свете. Их самобытная культура также проявилась в культе маски, являющейся единственным средством спасения раба; ведь умение играть роли, требуемые в той или иной ситуации, дает ему возможность сохранить не только свою жизнь, но и собственное Я. Главным проявлением отношения к языку как к вербальной маске становится языковая практика, известная как “signifyin(g)”, которая является методом непрямого спора и убеждения, языком подтекста, способом создания нового значения. Важной особенностью африканской культуры, закрепившейся и в Новом Свете, была традиция устного повествования. Это объясняется особым отношением африканцев к слову, считавших, что слова наделены особой магией и могут рассматриваться как форма действия. Благодаря опоре на эти элементы африканской культуры рабы смогли заложить основы уникальной литературы, которая в содержательном плане базировалась на особенностях их собственного мировосприятия. Краткая систематизация африканизмов позволяет говорить о наличии глубокого и подчас скрытого культурного контекста / подтекста в историях рабов – произведениях, долгое время считавшихся примитивными и даже лишенными права на звание литературных.

Параграф 1.3. “Жанровая природа историй рабов” посвящен исследованию жанровой принадлежности рассматриваемых произведений. “Истории рабов” и “новые истории рабов” обозначаются в нашем исследовании, соответственно, как “жанр” (когда мы говорим об истории афро-американской литературы) и как “жанровая модификация” (когда речь идет об их взаимосвязи, корреляции с классическими жанрами литературы). Это обусловлено двуединым (конкретно-историческим и типологическим) подходом к исследованию названных произведений. Основным доказательством возможности рассмотрения классических и новых историй рабов как самостоятельных жанров является то, что в них отражена новая концепция личности темнокожего человека. В историях рабов авторы не просто доказывали свое личное право называться человеком, но помогали самоопределиться и другим представителям своей расы. Авторы новых историй рабов понимали, что образ “Я” современного им темнокожего человека уходил корнями во времена рабства, и это вызывало чувства вины, стыда, боязни собственного прошлого. Чтобы изменить это, нужно было пересмотреть прошлое этноса и по-новому осветить события тех лет; нужно было показать мужество, стойкость, человечность рабов и тем самым создать новую идентичность для современного поколения. Поиск идентичности, рассмотрение разных ее аспектов становится жанровой доминантой обеих литера-

турных форм. Переходя к уровню теоретических обобщений (т.е. к типологическому подходу к жанру), мы рассматриваем классические и новые истории рабов в рамках общего литературного процесса. В этом случае исследуемые тексты предстают как модификации классических жанров. Культурно-исторический контекст, выступающий как один из жанрообразующих признаков в исследуемых произведениях, приобретает особое значение и придает неповторимое звучание этим текстам; он не дает возможности и права просто причислить “истории рабов” к автобиографии, а “новые истории рабов” – к историческому роману. Подобная формализация литературного процесса разделила бы то, что на практике слито и взаимосвязано. По нашему мнению, истории рабов являются результатом синтеза автобиографии, истории пленения, плутовского романа и сентиментального романа; новые истории рабов – результат синтеза исторического романа и историй рабов. При этом один из классических жанров (автобиография – для историй рабов и исторический роман – для новых историй рабов) становится определяющим для содержательной и/или формальной структуры жанровой модификации.

В Параграфе 1.4. “Жанрово-повествовательное своеобразие классических историй рабов” выделяются основные особенности, присущие произведениям названного жанра. Истории рабов – это автобиографические повествования, рассказанные черными невольниками белому переписчику-редактору или написанные самими беглыми или освобожденными рабами; они представляют собой основополагающую традицию в афро-американской литературе и культуре. Все они базируются на одной и той же объективной реальности; у них своя читательская аудитория; за их написанием стоят аболиционисты; в них преобладают вполне конкретные мотивы, намерения и приемы, понимаемые как самими создателями, так и читателями. Этот жанр имеет общие основные принципы построения, так как, с одной стороны, он заимствовал некоторые литературные конвенции из других литературных форм, а, с другой – отражал общий опыт негритянских писателей и особенности их мировосприятия.

Из плутовского романа и историй пленений авторы историй рабов заимствовали отдельные темы и мотивы, которые были важны для содержательной стороны их произведений. По форме они чаще всего представляют собой автобиографические произведения: рассказ в них ведется от первого лица, организующим принципом повествования становится ретроспектива, в тексте соединяются документальность и вымысел. В целом, обзор историй рабов показывает, что эти произведения были сложным феноменом, возникшим на стыке художественной литературы, культурологии, социологии и истории (документальной прозы). Основными темами историй рабов становились борьба за свободу, разрешение социальных противоречий, но самой глубокой – определение и интерпретация собственной личности. Содержательно они представляли собой серию событий и описаний, которая заставляла читателя почувствовать, что такое рабство. Способом передачи двойственного сознания афро-американцев становилось двуголосое слово.

Структура глав, посвященных практическому анализу классических и новых историй рабов (Главы 2, 4-6), базируется на нашем тезисе о взаимосвязи

этнокультурного фактора, авторской позиции и обусловленного этнокультурным фактором жанрового нарратива, а потому она везде одинакова и включает три параграфа, посвященных 1) рассматриваемым в данной главе авторам (либо авторскому началу в целом – в классических историях рабов); 2) видению идентичности, характерному для писателей рассматриваемой группы; 3) особенностям построения текстов данного типа.

Вторая глава – **“Описание идентичности темнокожих американцев для белых читателей в историях рабов”** – посвящена исследованию названных повествований.

Глава открывается **Параграфом 2.1. “Авторское начало в историях рабов: сходство и отличие тем, мотивов, образных средств”**, в котором рассматриваются особенности, характерные как для всех повествований, так и для текстов, написанных либо авторами-мужчинами, либо писательницами-женщинами. Во многих историях рабов (даже в считающихся кульминацией всего жанра произведениях Ф. Дугласа и Г. Джейкобс) встречается ряд общих черт. Наряду с повторяющимися особенностями этих произведений, выделенными И.М. Удлер, мы отмечаем еще некоторые. В первую очередь, это использование метафор из животного мира. Первоначально эта символика выступала как оружие в дискурсе белых, приравнивавших негров к зверям, но затем она вошла в арсенал риторических средств темнокожих авторов. Но при этом авторы историй рабов начинают выделять в этих сравнениях с животными другую сторону – их способность выживать и возможность наслаждаться свободой. Кроме того, животные предстают как воплощение трикстера в африканской традиции, казалось бы, слабого и незащитного, но способного одержать верх над сильным благодаря собственному уму и хитрости. Другой важной особенностью историй рабов становится то, что все писатели подчеркивают разрушительное с моральной точки зрения влияние рабства на всех, как на рабов, так и на их владельцев. Кроме того, все авторы историй рабов говорят о значимости имени для раба.

В историях рабов можно выделить те характеристики, которые роднили все повествования, вне зависимости от гендерной принадлежности автора, но также и ряд черт, типичных для историй рабов, написанных писателями-мужчинами, которые отличают их от произведений того же жанра, вышедших из-под пера авторов-женщин.

Значимыми мотивами в историях рабов, написанных авторами-мужчинами, становятся грамотность и изображение рабынь как беспомощных жертв распущенных белых хозяев. В повествованиях, написанных женщинами, можно также выделить ряд общих тем и мотивов: значимость семьи и общины, вера и особое отношение к Богу (которое носит более личностный характер), важность устной речи.

В **Параграфе 2.2. “Конструирование идентичности через систему бинарных оппозиций в историях рабов”** рассматривается, как раскрытие проблематики идентичности осуществляется в текстах первых темнокожих писателей через ряд ключевых противопоставлений. Классические истории рабов стали описанием стратегий выживания темнокожих невольников и сохранения

ими собственной идентичности как представителей этнической группы. Осмысление названной центральной темы в основном проходило через рассмотрение соответствующих бинарных оппозиций. Жизнь раба выстраивалась, в первую очередь, через оппозицию “белое – черное”. Однако она касалась не только моральных, но и социальных отличий, последние реализовывались в повседневной жизни плантаций и должны были быть отражены в произведениях темнокожих невольников через оппозиции “хозяин – раб” и “человек – раб (животное)”. Однако, в историях рабов, написанных женщинами, оппозиция “человек – раб (животное)”, как нам кажется, в значительной степени утрачивает свою актуальность, так как в этих произведениях все внимание обращено на темы дома, семейного быта, переживаний самих женщин и их детей, а значит, человеческие переживания.

Наряду с названными ключевыми оппозициями в повествованиях рабов возникают и другие: “вера рабов – религия рабовладельцев”, “речь – молчание” и т.д. В произведениях, написанных авторами-женщинами, оппозиция “речь – молчание” пересматривается и переходит в противопоставление устной и письменной речи. С темой побега связана оппозиция “рабство – свобода”, которая одновременно становится и географическим противопоставлением Юга Северу (либо Канаде или Британии, что было связано с принятием Закона о беглых рабах).

В целом, в историях рабов, написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами, мы видим героев, которые, казалось бы, проходят один и тот же путь – из рабства к свободе, но которые в проблематике идентичности, в восприятии себя относительно других, разительно отличаются друг от друга. Герои повествований, написанных мужчинами, чаще всего становятся на путь борца-одиночки, и будучи лишенными семьи и всяких связей со своим культурным сообществом, конструируют свою идентичность как человека, основываясь на собственной уникальности (например, грамотности), и благодаря приобретенным знаниям, а также мужеству и стойкости сами вырываются на свободу. В то время как героини повествований, написанных женщинами, являются полными противоположностями: они – представительницы общины. Эти героини формируют собственную идентичность под влиянием своей семьи, особенно женской ее части, и культурного наследия всей общины; борются за сохранение уважения семьи и собственного достоинства, но, обнаружив невозможность этого в рабстве, решаются бежать, в первую очередь, ради своих детей.

Параграф 2.3. “Трансформация традиционных литературных форм в историях рабов” посвящен стратегиям использования и частичного пересмотра классических жанров в текстах первых темнокожих писателей. Разница в восприятии и изображении мужчин и женщин в историях рабов во многом обусловлена отличиями их социальных ролей в реальной жизни того времени. Данные социальные условности и одновременно несхожее понимание собственной идентичности обусловили разную эмоциональную тональность, характерную для повествований, написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами. В первых произведениях доминирует героика, которая подходит

для реализации авторской концепции личности. Героика как преобладающее эмоционально-смысловое начало часто предполагает риторичность художественной речи. В то время как в повествованиях, написанных женщинами, главной эстетической категорией становится сентиментальность, в которой поэтизируются простые человеческие чувства, что способствует созданию образов героинь, которые живут ради других людей. Сентиментальность, в свою очередь, предполагает психологизм и экспрессивность художественной речи.

Авторы историй рабов показывали мастерское владение доминантным дискурсом (традициями публичной речи – в случае с мужчинами и канон сентиментального романа – в случае с женщинами). Язык, на котором создавались их тексты, с одной стороны, давал авторам свободу, так как они могли заявить о себе как о человеке разумном; но, с другой, ограничивал их, так как такой текст выдавал лишь общественный образ самого автора, сформированный языком и ценностями белой Америки. Однако, будучи ограниченными в выборе изобразительных средств ожиданиями и моральными нормами белой читающей публики, авторы смогли использовать собственные культурные традиции и сильно трансформировали литературные формы белых при создании своих текстов.

Чтобы говорить коллективным голосом от имени всех своих собратьев и освещать собственную культуру авторы-мужчины прибегают к главной языковой стратегии темнокожего населения – означиванию. Они активно используют намеки, аллюзии, иронию, тем самым проявляя свою индивидуальность и оказывая сопротивление доминантному дискурсу. Авторам-женщинам приходилось частично пересматривать каноны сентиментального романа и отходить от них. Некоторые освобожденные рабыни возвращаются в рамки историй рабов, написанных мужчинами, и повествуют о собственной борьбе за освобождение и / или просвещение темнокожих невольников, либо об обретении веры, т.е. опираются на собственную литературную традицию. Тем самым авторы-женщины отказываются от женского образа, типичного для сентиментального романа, и приближаются к образу героя-борца, либо обращенного. Другие писательницы через описание своей жизни в рабстве показывают невозможность применения нравственных критериев дискурса белых по отношению к рабам.

Такая игра с доминантным дискурсом давала возможность темнокожим писателям использовать его для своих целей и направлять на утверждение собственного “Я”.

Третья глава – «Жанр “новые истории рабов” как продолжение традиций ранних повествований и жанровая модификация исторического романа» – посвящена рассмотрению особенностей названных произведений, обусловленных их принадлежностью к более широкому жанру исторического романа и взаимосвязью с классическими историями рабов.

Глава открывается **Параграфом 3.1. “Развитие афро-американской литературы: от классических повествований к новым историям рабов”**, в котором дается краткий обзор афро-американской литературы с конца XIX века до момента возникновения жанра “новые истории рабов”. Первые произведе-

ния афроамериканской литературы – истории рабов – продолжали оставаться основным жанром афро-американской литературы вплоть до начала XX века. Однако уже в предвоенный период (до начала Гражданской войны) некоторые темнокожие авторы предприняли первые попытки выйти за рамки названного жанра. Первым романом в афро-американской литературной традиции считается произведение У.У. Брауна “Клотель” (1853). На рубеже XIX–XX веков афро-американская литература становится самобытной ветвью литературы США. В этот период темнокожие писатели (например, Чарльз Чеснат, Пол Л. Данбар) затрагивают проблемы черного сознания, а также возможности дальнейшего сосуществования рас. Начало XX века было отмечено идеологическим противостоянием двух политических деятелей, мыслителей и писателей, которое стало знаковым для всей дальнейшей афро-американской истории и определило два основных направления развития, как в культуре этнической группы, так и в литературе. Речь идет о полемике между Букером Т. Вашингтоном и Уильямом Э.Б. Дюбуа. Первый выступал за ассимиляцию негров, в то время как второй видел решение расовой проблемы в активных политических действиях. В своей книге “Души черных людей” (1903) Уильям Дюбуа вводит понятие “двойственного сознания” темнокожих (они и американцы, и черные) и формулирует в качестве основной проблемы XX века проблему расового барьера. Это произведение У. Дюбуа, во многом, определило темы и конфликты литературы Гарлемского ренессанса, духовного движения, продолжавшегося в период с начала 20-х гг. до 1930 года. В это время творили многие талантливые афро-американские поэты и писатели: Лэнгстон Хьюз, Джин Тумер, Зора Нил Херстон и другие. Художники этого периода наметили основные формы изображения представителей своего этноса с упором на многогранность описываемых персонажей и с учетом собственного знания и понимания представителей своей культуры, что найдет отражение и в творчестве последующих поколений писателей. Авторы, принадлежащие к этому движению, заложили ту эстетическую, художественную и идеологическую основу, которая сделала возможным дальнейшее поступательное развитие афро-американской литературы⁴⁷.

Сороковые-пятидесятые годы XX века связаны с именами таких афро-американских писателей, как Ричард Райт и Ральф У. Эллисон. Роман “Сын Америки” (1940) Ричарда Райта считается классикой афроамериканской литературы XX века. В 60-е годы XX века на волне движения за гражданские права и свободы общее настроение и тематика произведений изменились, обретая ярко выраженную политическую окрашенность.

Параграф 3.2. «Жанр “новые истории рабов” в литературном и культурно-историческом контексте; новое определение собственной идентичности» посвящен описанию изменения отношения к собственной идентичности у темнокожего населения и тех культурно-исторических условий, которые привели к возникновению названного жанра. Схождение в одной временной точке (1960-е годы) столь разных явлений, как борьба за гражданские права, распро-

⁴⁷ The Norton Anthology of African American Literature / ed. by G.L. Gates, Jr. and N.Y. McKay. NY: Norton & Company, Inc., 1997.

странение движения “Черная сила”, подъем феминистских настроений среди темнокожих женщин и, наконец, публикация романа Стайрона “Признания Ната Тернера” (1967), стало тем необходимым толчком, который способствовал появлению целого потока произведений жанра “новые истории рабов”. Эти произведения посвящены изображению опыта или последствий рабства в Америке. Они стали способом пересмотра идентичности этноса. Вопросы идентичности сразу же заставляют людей обратиться к собственной истории, чего афро-американцы долгое время избегали, ведь их история – это история долгого угнетения и попыток уничтожить в них все человеческое. Рабство нанесло темнокожему населению культурную травму, однако единственным способом перестроить коллективную идентичность является заново интерпретировать прошлое.

В Параграфе 3.3. “Особенности новых историй рабов как жанровой модификации исторического романа, их типология” определяется жанровая природа названных произведений, выделяются присущие им основные особенности, и рассматривается их типология. Данные современные произведения могут быть отнесены к “старшему жанру” (термин Ю.Н. Тынянова⁴⁸) исторического романа, так как в качестве основных черт новых историй рабов выступают обращенность в прошлое, историзм как смысловая доминанта повествования, наличие дистанции между описываемыми событиями и автором и документальность. При этом новые истории рабов, по нашему мнению, являются лишь модификацией исторического романа, так как корнями они уходят в первые тексты афро-американской литературы, в них содержится ряд черт, заимствованных из классических “историй рабов”. Обратившись к классическим историям рабов, этим основополагающим документам афро-американской традиции, как к некой точке отсчета, новые истории рабов также вывели раба в качестве повествователя, главного героя или призрака-предка, тем самым сфокусировав свое внимание на рабстве как историческом явлении, которое имеет длительные социальные последствия. Еще одной чертой, объединяющей первые истории рабов и современные романы о рабстве, является воспевание и использование устных форм репрезентации и параллельно недоверие к ее письменным формам, которые так часто предавали и подводили афро-американцев.

В рассматриваемых нами новых историях рабов находит отражение главная тенденция развития исторического романа XX века – стремление к демифологизации. Еще одной общей чертой американского исторического романа XX века и новых историй рабов является сосуществование двух противоположных тенденций – с одной стороны, поиска в исследуемом прошлом четких нравственных основ, которые рассматриваются как опора для современной жизни (произведения афро-американских писательниц), с другой, нравственной и / или политической амбивалентности (что отражено в постмодернистских произведениях Ч. Джонсона и И. Рида). Остальные особенности американского исторического романа XX века (такие, как дегероизация политических деятелей прошлого, насыщение текста документом, но при этом усиление роли вымысла,

⁴⁸ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

авторское стремление к объективности и некоторые другие) встречаются в отдельных произведениях рассматриваемых афро-американских авторов.

В зависимости от ключевого конфликта, представленного в произведении, А.Г. Баканов⁴⁹ и Н.Н. Старикова⁵⁰ выделяют следующие основные формы исторического повествования: историко-социальный, историко-философский и историко-биографический романы. Упомянутые исследователи не называют историко-психологический роман в качестве отдельного типа, так как, по их мнению, черты этого романа присутствуют во всех остальных выделенных романских формах. В нашей работе мы будем опираться на эту классификацию, однако при этом дополним ее историко-психологическим романом в качестве четвертого основного типа исторического романа. В историко-социальном романе человек рассматривается в его противостоянии социуму в целом либо какому-то конкретному человеку, часто представителю другой социальной группы. В таком конфликте находят отражение общественно-политические коллизии описываемого исторического прошлого. Писатель создает срез общества, увиденного в тяжелый момент развития социальных противоречий, что позволяет автору раскрыть мотивы действий представителей разных социальных групп, показать главные тенденции времени. Главным инструментом исследования конфликта данного типа, а также способом типизации характеров и обстоятельств в историко-социальном романе становится социальный анализ. В историко-философском романе центральный конфликт предстает как противостояние двух вариантов ценностей, пониманий мира. Философские идеи писателя находят свое предметное воплощение в фигурах и событиях прошлого, таким образом в этом типе исторического романа реализуется авторская концепция истории. Философская насыщенность у различных писателей проявляется в разных формах: где-то она состоит в глубоком исследовании жизни героев и их позиции; где-то – в иронии, которая может придавать всем поступкам героя новый смысл; где-то философия открыта. В историко-психологическом романе автор заинтересован не в широком охвате исторической действительности, а в драматических конфликтах во внутренней жизни человека. Разные внешние события и обстоятельства служат лишь катализаторами внутренних переживаний. Данная задача требует от писателя более глубокой мотивировки поступков и поведения героя, а значит, и более основательного художественного анализа, в том числе и изображаемой действительности. Для осуществления обозначенной цели авторы данного типа исторического романа прибегают к психологизму. Авторы таких исторических романов выбирают в качестве героев сложные, неоднозначные фигуры и при их описании избегают черно-белых тонов. Историко-биографический роман остается за рамками нашего исследования, так как ни одно из рассматриваемых произведений не может быть отнесено к этой категории исторического романа, которая рассматривает судьбу какой-нибудь исторической личности.

⁴⁹ Баканов А.Г. Современный зарубежный исторический роман. Киев: Выща шк., 1989.

⁵⁰ Старикова Н.Н. Исторический роман. К проблеме типологии жанра // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2007. № 2. С. 46.

Четвертая глава – “Идентичность как социальная категория в романах Э. Гейнса, Н. Картер, Л. Кэри, Л. Меривезер, Ш.Э. Уильямс, А. Хейли” – посвящена исследованию первой группы “новых историй рабов”.

Глава открывается **Параграфом 4.1. “Э. Гейнс, Н. Картер, Л. Кэри, Л. Меривезер, Ш.Э. Уильямс, А. Хейли: биография, творческий путь и точки соприкосновения”**, в котором приведены основные биографические сведения о названных писателях, и выделены те общие темы, мотивы и проблематика, которые характерны для их творчества. Авторы произведений, рассматриваемых в этой главе, объединяет интерес к истории, ведь, по их мнению, невозможно двигаться вперед, не поняв уроки прошлого. Названные писатели в своих произведениях берут за основу либо сведения о конкретных исторических личностях (Л. Меривезер, Ш.Э. Уильямс и Л. Кэри), либо подробно останавливаются на особенностях определенного исторического явления (участие белых, особенно квакеров, в организации подпольной железной дороги – у А. Хейли; невозможность получения образования для темнокожих на Юге, зарождение первых школ для них на Севере – у Н. Картер). Чтобы правдиво отразить историю афро-американцев, рассматриваемые авторы стараются дать голос самим невольникам через активное использование диалекта и опору на народные традиции и культуру этноса. Чтобы достичь нового понимания себя, нужно взглянуть на прошлое собственной этнической группы по-другому, без стыда, а с состраданием и уважением к тем испытаниям, через которые пришлось пройти первым темнокожим в Новом Свете. Тогда и в жизни рабов можно увидеть героизм, достоинство и умение дружить и любить. На этом и акцентируют внимание авторы исследуемых произведений. Они стараются показать то хорошее, что помогало невольникам оставаться людьми и не терять себя, – семью, общину, веру. Одновременно писатели дают важные уроки на будущее: что без общения, без желания поделиться чем-то с людьми невозможно понимание; что учение и знания открывают перед тобой дорогу.

Параграф 4.2. “Формирование идентичности героев через диалог / конфликт с другими людьми” посвящен описанию видения идентичности, характерного для писателей рассматриваемой группы. Произведения, исследуемые в этой главе, показывают героев в их взаимосвязи с социальной средой. Авторы этих романов описывают общественные отношения, под воздействием которых складываются и развиваются характеры героев и которые заставляют персонажей действовать определенным образом. Они демонстрируют, например, что в идеологии рабовладельческой системы раб часто приравнивался к врагу. При создании образа врага основным приемом становилась его дегуманизация, что было закреплено даже в языке, которым пользовались рабовладельцы, слова “darky, nigger” (наиболее частотные во всех рассматриваемых произведениях) уже несли в себе значение “лишенный человеческих черт”. Однако эти значения были привнесены в язык в идеологических целях, они не существовали в нем первоначально. В большинстве случаев взаимодействия белых и рабов, описанных в произведениях, можно видеть, что первые относятся ко вторым как к объекту своего воздействия, т.е. коммуникация между хозяе-

вами и рабами, по мнению писателей, шла именно на уровне Я – Оно (терминология философа М. Бубера⁵¹), что разрушало всякую возможность диалога.

Однако писатели показывают, что действия героев обусловлены не только социальными обстоятельствами, но и их, персонажей, принадлежностью к человеческому роду и вовлеченностью в определенную культурную традицию. Поэтому в своем анализе очерченной в тексте ситуации авторы рассматриваемых произведений не просто соединяют социальность и психологизм, но и погружаются в изучение общеродового и метафизического слоев природы человека. Они приходят к выводу, что истинную свободу и человечность нужно, в первую очередь, искать в себе. Главным оружием в борьбе рабов за сохранение собственной человечности и идентичности становится отказ от ненависти.

Только любовь делает возможным взаимодействие в диалогической форме “Я – Ты” (терминология М. Бубера). Если невольники опирались на любовь, то такая форма взаимодействия (по типу “Я – Ты”), по мнению писателей, могла существовать между матерью и ребенком, между темнокожими мужчиной и женщиной, между членами общины и этноса в общем. Кроме того, “Я” и “Ты” могут объединяться в “Мы”, тогда они перестают быть противоположностями и соединяются в общем духовном акте. Подобное слияние может преодолевать даже расовые границы.

Таким образом, категория “идентичность” рассматривается в произведениях данной группы с точки зрения утверждения ценности человека как личности, утверждения блага человека как мерила оценки существующего общественного порядка, то есть в свете гуманизма, в том числе, и идей М.Л. Кинга. Гуманизм в рассматриваемых произведениях становится действенным: писатели утверждают, что люди могут преобразовывать мир, поэтому при раскрытии категории “идентичность” на первый план выходит личная ответственность героев не только за себя, но и за людей вокруг себя и за тот кусочек мира, который они называют домом. Такой подход к гуманизму заставил авторов по-новому взглянуть и на воспеваемые духовные ценности. Так, например, свобода остается одной из высших ценностей, только если она сопрягается с ответственностью, иначе она превращается в фикцию.

В Параграфе 4.3. “Диалог с классическими историями рабов как основной принцип построения романов Э. Гейнса, Н. Картер, Л. Кэри, Л. Меривезер, Ш.Э. Уильямс, А. Хейли” рассматриваются повествовательные особенности романов данного типа. Авторы произведений этой группы творчески переосмысливают многие элементы повествовательной структуры и содержания классических историй рабов, последовательно применяя означивание, то есть повтор с изменением. Главные сходства между классическими и новыми историями рабов касаются отдельных элементов содержания. Современные авторы показывают свое знание не только истории того времени, но и канонів построения первых текстов афро-американской литературной традиции. В их

⁵¹ Бубер М. Я и Ты // Два образа веры / под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М.: Республика, 1995.

произведениях мы находим все варианты отношений “родители – дети”, описанные первыми темнокожими писателями. Рассматриваемые писатели нашего времени не уделяют столько внимания изображению ужасных условий, в которых жили рабы, они предпочитают небольшие детали, которые сразу же устанавливают связь с классическими историями рабов и заставляют читателя погрузиться в атмосферу описываемых событий. Чтобы показать особенности культуры этноса, авторы исследуемых произведений упоминают многие религиозные и культурные практики (некоторые из них упоминаются и в классических историях рабов). Один из ведущих мотивов классических историй рабов, трикстеризм, необходимость носить маску, чтобы не дать хозяевам увидеть и растоптать истинное “Я”, встречается во всех рассмотренных романах. Кроме того, современные писатели используют множество библейских аллюзий и активно цитируют фразы из произведений классической литературы, как и авторы историй рабов. И если первые темнокожие писатели прибегали к этому, в первую очередь, чтобы установить контакт с белыми читателями, писать в привычных для белых традициях, то в рассматриваемых современных произведениях цитаты и аллюзии способствуют раскрытию характера персонажа либо темы.

Благодаря описанным переключкам с классическими историями рабов современные писатели моделируют картину мира как диалог разных культурных языков, языков разных времен. Однако одновременно они стараются создать образ, предполагающий амбивалентность художественной оценки. Это осуществляется через рассмотрение и частичный пересмотр классических оппозиций “белое – черное”, “речь – молчание”, “неграмотность – образование”, “свобода – рабство”, характерных для первых произведений афро-американской традиции. Так, оппозиция “свобода – рабство” становится гораздо значимее и глубже по сравнению с классическими историями рабов, так как ее географическая составляющая отходит на задний план. На первый план в современных произведениях выходит философское понимание свободы, при этом каждый автор подчеркивает свой аспект интерпретации этого понятия. Например, понимание свободы как возможности позаботиться о другом становится лейтмотивом романа Н. Картер.

Также рассмотренные в этой главе новые истории рабов, где главными героинями становятся рабыни, по-новому в сравнении с классическими повествованиями описывают женщину в рабстве. Первые темнокожие писательницы, например, Г. Джейкобс, всячески избегали темы женской сексуальности и подчеркивали женскую виктимизацию, превращение женщины в сексуальную жертву белого мужчины. Современные писатели и писательницы пересматривают эту традицию и изображают телесный опыт как базовый для становления личности. Кроме того, они не ограничивают женскую природу лишь материнством. Авторы новых историй рабов показывают, что, хотя материнство играет важную роль в жизни каждой женщины, ее сущность этим не ограничивается, она также включает сексуальность женщины и складывается под воздействием многих составляющих, среди которых товарищество, дружба и любовь являются определяющими.

Пятая глава – “Идентичность как философская категория в романах Ч. Джонсона и И. Рида”. Глава открывается **Параграфом 5.1. “Ч. Джонсон и И. Рид: биография, творческий путь и точки соприкосновения”**, в котором приведены основные биографические сведения о названных писателях, и выделены те общие темы, мотивы и проблематика, которые характерны для их творчества. Данные писатели во многом выступали как новаторы и создали собственные эстетико-философско-религиозные системы, на основе которых и строили свои романы, что не позволяет рассматривать их творчество в рамках других групп произведений. Они отрицают существование единой афро-американской традиции в литературе и считают, что это – миф, созданный критиками. Кроме того, И. Рид и Ч. Джонсон считают, что критики и средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование читательских вкусов и намеренно используют это влияние в идеологических целях, часто создавая и / или поддерживая стереотипный образ темнокожего (особенно мужчины). Эти темнокожие авторы считают своей главной задачей пойти наперекор устоявшейся монополюльной трактовке прошлого. И. Рид в этой связи заявляет, что афро-американские писатели “хотят саботировать историю” (“So this is what we want: to sabotage history”⁵²), конечно, лишь такую историю, которая закрепляет идеологические клише о природе и истории жизни темнокожего населения Америки. Именно поэтому основным конфликтом в произведениях данных авторов является противопоставление ценностных систем – их собственных воззрений и взглядов и ценностей, которые они не одобряют и не могут понять и принять. И. Рид дал своей системе название “новое худу (вуду)” или “неохуду”. Она представляет собой авторскую переработку идей религиозного культа Вуду (который также известен и под именем “худу”), в свою очередь восходящего к традиционным африканским религиозным практикам. Система воззрений Ч. Джонсона восходит к теории Э. Гуссерля об интерсубъективности всего живого, согласно которой все существа формируют единство, в котором всё является всем, а значит, продолжает жить в другом. Носителями данной идеи в текстах Ч. Джонсона становятся представители выдуманного им племени альмузери.

Параграф 5.2. “Идентичность как языковой конструкт и модель сознания в романах И. Рида и Ч. Джонсона” посвящен описанию видения идентичности, характерного для писателей рассматриваемой группы. Произведения И. Рида и Ч. Джонсона написаны под сильным влиянием постмодернизма, соответственно, идентичность является для них скорее философским, языковым или литературным понятием, а не реальным состоянием; именно с этих позиций оба автора освещают проблематику идентичности. В романе И. Рида “Бегство в Канаду” (1976) мы не видим истории отдельного центрального героя, а значит, формирования самосознания конкретной личности; перед читателем проходит череда персонажей, которые чаще всего напоминают зомби. По мне-

⁵² Цит. по: Bell Bernard W. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst: University of Massachusetts, 1987. P. 337.

нию писателя, как в литературе, так и в реальности, герои-зомби – это те, кто заменяют критическое и сознательное действие стереотипным поведением. Настоящие герои, которые у И. Рида представляют души предков (дядя Робин, Рейвен) и сохраняют свою идентичность, могут манипулировать стереотипами ради общего блага и во имя свободы, они не позволяют возрастить в себе раба, а напротив, отстаивают свою человечность и божественную искру, показывая пример всем остальным.

Оба романа Ч. Джонсона “История пастуха” (1982) и “Переход через Атлантику” (1990) становятся повествованиями о поисках своего пути, собственной идентичности героями. Этот поиск происходит через встречи с другими людьми (персонажами), которые, по воле автора, становятся воплощениями тех или иных философских систем и взглядов на жизнь. Все выделенные нами группы героев воплощают определенные мировоззренческие взгляды (в основном западные), которые основаны на разных дихотомиях – оппозициях по цвету кожи (белые – черные), по гендерному признаку (мужественность – женственность), по обладанию силой / властью (убийца – жертва; хозяин – раб). Через введение других персонажей – пленников из племени альмузери – Ч. Джонсон показывает другую философию, африканскую, и дает своим героям возможность понять их космологию. Однако, главные герои обоих романов Ч. Джонсона понимают, что первый жизненный путь, основанных на дихотомиях, разрушителен, а второй, племени альмузери, возможно, недостижим, поэтому они считают правильным “срединный путь” (дословный перевод словосочетания “middle passage”, которое вынесено в качестве заглавия одного из рассматриваемых произведений писателя). Они чувствуют в себе синтез многих воззрений, в том числе африканских.

В произведениях И. Рида и Ч. Джонсона все внимание сконцентрировано не на отношениях человека с обществом, а на его связи с мирозданием, вовлеченности в борьбу добра и зла. Главные герои их произведений становятся рупором философских идей своих создателей и отражают их понимание проблематики идентичности, а последняя интерпретируется ими, в первую очередь, как языковой конструкт.

В Параграфе 5.3. “Презентация правды о рабстве через эстетику неохуду у И. Рида и философское переосмысление традиций повествования у Ч. Джонсона” рассматриваются особенности построения произведений данных авторов. Центральными для раскрытия темы рабства в романах И. Рида и Ч. Джонсона становятся оппозиции “дающий определения – определяемый” и “история – ее репрезентация (в литературе)”. Первое противопоставление отражает положение дел в рабстве, когда сущность раба определялась словом белого. Рассматриваемые современные авторы считают, что дающим определения должен стать темнокожий писатель, который лишит белых возможности присвоить жизнь и историю темнокожих и сам правдиво отразит ее. И. Рид считает, что для достижения этой цели темнокожий писатель должен наложить магию на слова благодаря знанию африканской религии. Такое восприятие произведения как магии и исцеления также существовало и существует у индейских писателей (например, у Момадэя и Силко). Что неудивительно, ведь это – сред-

ство всех этнических литератур, способ выражения системы ценностей, оппозиционных доминантным⁵³. Ч. Джонсон, напротив, полагает, что вся человеческая история, в том числе и попытки всех людей на Западе и Востоке понять мир являются общим наследием, которое может использовать любой писатель⁵⁴.

Романы И. Рида и Ч. Джонсона написаны с использованием литературной техники постмодернизма. Для всех произведений характерна полистилистика (термин В.А. Пестерева⁵⁵), которая, в первую очередь, реализуется через взаимодействие разных художественных систем, слияние и смешение разных жанров и, конечно, интертекстуальность – активное использование цитат и аллюзий. Постоянные отсылки к другим произведениям превращают тексты И. Рида и Ч. Джонсона в пространство пересечения различных культур, языков, времен и в набор отдельных чужих слов и фраз, при этом все смешивается, часто теряет свой первоначальный смысл, таким образом стирается разница между своим и чужим текстами. Но при этом чаще всего (особенно у И. Рида) целью произведения становятся не обмен идеями и выражение нового смысла, навеянного диалогом с чужими текстами, а простое означивание, языковая игра с этими предшествующими культурными артефактами. Также в произведениях этих афро-американских писателей наблюдаются следующие особенности: внутренняя множественность и неоднозначность, отказ от завершенности, совмещение разных эпох и культур, раскрытие условности всякой литературы, обнажение литературной кухни и, наконец, иронический пересмотр традиционных литературных форм и прошлого вообще. Авторы рассматриваемых произведений отказываются просто записывать все, как оно было, а играют активную роль в интерпретации истории, они исследуют прошлое, участвуют в нем и создают контр-историю. Они призывают читателя признать, что лишь писатели и читатели вместе создают значение и наделяют им все написанное и произошедшее.

Шестая глава – “Идентичность как психологическая категория в романах Д.Э. Дархема, Э.П. Джоунса, Дж. Макбрайда, Т. Моррисон, Б. Чейз-Рибу”. Глава открывается **Параграфом 6.1. “Д.Э. Дархем, Э.П. Джоунс, Дж. Макбрайд, Т. Моррисон, Б. Чейз-Рибу: биография, творческий путь и точки соприкосновения”**, в котором приведены основные биографические сведения о названных писателях, и выделены те общие темы, мотивы и проблематика, которые характерны для их творчества. Авторы произведений, рассматриваемых в этой главе, пытаются подойти к описываемому историческому периоду или событию по-новому, избегая традиционно сложившихся в литературе стереотипов изображения. Новый взгляд предполагает изменение ракурса рассмотрения. По мнению Т. Моррисон, афро-американские авторы-женщины добиваются такого изменения через выведение белого человека из центра на периферию дискурса. У рассматриваемых в этой главе писателей-мужчин смена

⁵³ Ващенко А.В. Америка в споре с Америкой (Этнич. лит. США). М.: Знание, 1988.

⁵⁴ Johnson Ch. Oxherding Tale. NY: Scribner, 1995.

⁵⁵ Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

ракурса исследования рабства реализуется, в первую очередь, через отказ противопоставлять белых и черных, через их изображение как просто людей со своими достоинствами и недостатками (безотносительно цвета кожи). В таком случае рабство изображается не как социальный институт угнетения человека человеком, а как сеть взаимоотношений. На первый план при данной трактовке рабства выходит внутренний мир героев, то, что помогло им не просто выжить, но и остаться людьми. Конфликт “человек – другой человек” или “человек – общество” теряет свою актуальность в данном типе романов и уступает место внутреннему конфликту, борьбе за то, чтобы стать хозяином самому себе и самостоятельно определять свою судьбу и нести ответственность за свои решения. Авторы исследуемых романов стараются немного по-новому говорить о вечных темах на материале тяжелых страниц истории этноса. Дж. Макбрайд, например, прибегает к юмору, Д.Э. Дархем старается максимально убрать сцены насилия и жестокости, чтобы помочь читателям увидеть мир рабов (не социальный, но внутренний). Наконец, авторы используют и типичные для афроамериканской литературы техники, они опираются, например, на музыкальные традиции этноса, что предполагает импровизацию, как в джазе, особые ритм и структуру построения произведения.

Параграф 6.2. “Раскрытие идентичности как психологической категории через проблематику несовпадения свободы тела и свободы духа” посвящен описанию видения идентичности, характерного для писателей рассматриваемой группы. В историко-психологических романах “социальный пласт проблематики значим постольку, поскольку человек показан в столкновении с обществом, но центром остается человеческая душа, стихия чувства и мысли”⁵⁶. Для осуществления обозначенной цели авторы данного вида исторического романа стараются изобразить всю целостность внутреннего мира героя, его сознательные и бессознательные порывы, душевные метания и переживания.

Показывая драматические конфликты во внутренней жизни человека, писатели, в первую очередь, заинтересованы в том, как он борется с обстоятельствами и с самим собой, они изображают действия героев как результат осмысления и прочувствования той ситуации, в которой они оказались. Раскрывая внутренний мир персонажей, современные писатели трансформируют традиционную для классических историй рабов оппозицию “человек – раб” в противопоставление “любовь – саморазрушающие чувства”, связывая наличие / отсутствие человечности не с социальным положением человека, а с тем выбором, который он делает в духовной жизни, а значит, они определяют идентичность как психологическую категорию. Такой подход к идентичности обуславливает присутствие в рассматриваемых текстах и других оппозиций, связанных со сферой сознания, эмоций и чувств, а не с социальным аспектом жизни. Одной из центральных оппозиций романа Т. Моррисон становится противопоставление “память – забвение”. Другой оппозицией, которая подвергается переосмыслению в романе Т. Моррисон, становится противопоставление “жизнь –

⁵⁶ Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступ. ст. И.К. Горского; сост., коммент. В.В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. С. 134.

смерть”, которое по мере развития сюжета сохраняет свою неоднозначность, как и оппозиция “память – забвение”.

Стремясь расширить современное понимание того, как формировалась идентичность темнокожих рабов, многие авторы отходят от привычных героев и обращаются к малоизвестным аспектам негритянской истории. Э. Джоунс впервые в афро-американской литературе ставит вопрос, как темнокожий становится рабовладельцем. Он показывает, что проблема, лежавшая на поверхности (белый угнетает черного), оказалась многозначнее. На смену упрощенному и привычному взгляду на черного как жертву, достойную сострадания, пришел трезвый анализ, показавший иной ракурс, раздвинувший психологические и исторические границы историй рабов: тот, кто предназначался в жертву, может стать не менее жестким угнетателем. Главным выводом писателя при таком рассмотрении становится убежденность, что приверженность стереотипным, заложенным белыми представлениям о рабстве может превратить в раба даже номинально свободного человека. Эта тема несовпадения свободы тела и свободы духа становится одной из центральных в романе. Б. Чейз-Рибу показывает существование меж двух миров (на примере героини, которая решила выдать себя за белую и отказаться от жизни внутри своей этнической группы) как более многогранную и сложную реальность, чем в произведениях первых темнокожих писателей. Она не дает однозначных оценок, а лишь пытается погрузиться в психологию человека, проходящего через подобный опыт (во многом следуя традиции Дж.У. Джонсона), и дает читателю право выносить собственные суждения о героине.

Таким образом, рассмотрение идентичности во всех исследуемых в данной главе произведениях сфокусировано вокруг оппозиции “рабство – свобода”, однако обе категории лишь первоначально связаны с фактическим пребыванием героев в южных штатах или на свободных территориях. Писатели трактуют эти феномены как психологические ощущения персонажей, переходят на противопоставление “свобода тела – свобода духа” и показывают, что, будучи де-юре свободным, человек мог чувствовать себя рабом и вести себя соответственно. Авторы рассматриваемых произведений утверждают, что и на свободе эмоциональные шрамы рабства и его психологические последствия не оставляют бывших рабов, а во многом определяют их жизнь и мешают обретению себя.

В Параграфе 6.3. “Опора на психологизм и использование приемов магического реализма в романах Д.Э. Дархема, Э.П. Джоунса, Дж. Макбрайда, Т. Моррисон, Б. Чейз-Рибу” рассматриваются особенности построения романов данного типа. Выведение на первый план внутреннего конфликта предполагает глубокий анализ всего спектра чувств, мотивов, поведения персонажей. Для придания объективности такому анализу авторы рассматриваемых в этой главе произведений прибегают либо к повествованию от третьего лица в форме всезнающего рассказчика (романы Д.Э. Дархема, Э. Джоунса, Дж. Макбрайда), либо к многоголосию (романы Т. Моррисон и Б. Чейз-Рибу). Однако при этом все писатели стремятся показать и коллективное сознание афро-американцев, для которого, в первую очередь, характерна вера в магическое и

чудесное. Для отражения этой особенности мировосприятия темнокожих многие авторы используют отдельные приемы магического реализма. В рассматриваемых текстах вера в магическое изображается, например, через описание различных поверий, примет и ритуалов. Однако наиболее ярко связь магического и реального, смешение невозможного и обычного проявляется в особых отношениях между мертвыми и живыми. Мертвые поддерживают связь с живыми, чтобы прийти к ним на помощь, либо чтобы наказать их. Эта необычная связь с мертвыми в афро-американской культуре может проявляться в повседневной жизни также в присутствии сверхъестественного в виде духов / призраков. Ощущение сосуществования двух миров, реального и фантастического, создается и за счет особого описания природы. Природа в исследуемых произведениях предстает волшебной, окруженной тайной.

Авторы романов, рассматриваемых в этой главе, показывают читателям существование очевидной, привычной реальности и подлинной, высшей реальности, а также их взаимопроникновение; это достигается за счет особого понимания времени и пространства. Практически в каждом романе можно увидеть специфическое использование времени, раскрытие его субъективности и относительности. Истории героев часто разворачиваются в двух планах: хронологически очерченном и мифологически обобщенном. Для создания первого плана писатели упоминают либо даже задействуют в отдельных сценах реальных исторических личностей. Второй временной план, мифологически обобщенный, создается по-разному разными авторами: за счет выбора необычных персонажей, аллюзий на события из других эпох и соположения разновременных прецедентных текстов в одном контексте; всё это способствует возникновению у читателя ощущения перманентности отдельных явлений или вневременного характера всего описываемого мира. Для исследуемых произведений также характерно особое понимание пространства, которое может быть строго очерченным, но при этом оно не всегда совпадает с каким-то конкретным историческим или географическим местом.

Использование отдельных приемов магического реализма позволяет изучаемым афро-американским писателям описывать некий мифологический аспект действительности, который выступает как воплощение до сих пор существующих характерных черт негритянского сознания и их коллективного бессознательного.

В **Заключении** акцентируются основные моменты исследования, излагаются ключевые результаты, и подводятся итоги работы.

Политические события 1960-х годов привели к тому, что темнокожему населению Америки не только удалось получить или отстаивать основные права и свободы, но и изменить собственное отношение к прошлому своей расы. Чувства вины и стыда за черный цвет кожи, доминировавшие в сознании афро-американцев во времена рабства и долгое время после его отмены, постепенно сменились гордостью за то, что их предки прошли эту историю горести и унижений, не утратив человечности и достоинства. Все это привело к последую-

щему пересмотру афро-американского духовного наследия – исторического и культурного прошлого.

В осмыслении всего развития этноса большую роль сыграла особая ветвь литературы – “истории рабов”. Во второй четверти XX века известные произведения этого жанра стали включаться в программы университетов; тексты до-толе неизвестных авторов печатались отдельными изданиями либо в антологиях афро-американской литературы. Интерес к классическим историям рабов был обусловлен тем, что первые произведения темнокожих писателей затрагивали вопросы, особенно актуальные в 1960-е годы: проблемы власти и подчинения / бесправия, культурного порабощения, этноистории, а также широкий круг вопросов, связанных с поисками идентичности. Обращение современных писателей к этим прецедентным текстам естественно и неизбежно: это обращение к корням, к ключевой проблематике. Ведь произведения Ф. Дугласа, Г. Джейкобс и других авторов были первыми попытками выразить политические пожелания и раскрыть социальную и личностную идентичность с позиций народа африканского происхождения; а тексты авторов второй половины XX века и начала XXI века выступают как современное выражение политических стремлений и самосознания народа.

Сохраняя традицию, современные писатели оставили единые с текстами предшественников сюжет и проблематику: сюжет выстраивается как “путешествие” из рабства на свободу, а в качестве основной проблематики выступает реализация сложной идентичности негра. Проблема поиска идентичности реализуется в ряде мотивов, которые прослеживаются как в классических текстах, так и в произведениях современных авторов: условия существования в рабстве, калечащие душу и искажающие образ “Я”; мотив свободы; важность собственного имени, отражающего внутреннюю сущность человека; трикстеризм, необходимость носить маску, чтобы не дать хозяевам увидеть и растоптать истинное “Я”.

Однако указанные темы и мотивы, общие для обоих жанров, в современных произведениях раскрываются по-новому. Основная трансформация в жанровой эволюции от классических историй рабов к новым касается проблемы идентичности. В классических историях рабов данная тема выстраивается через систему бинарных оппозиций, что приводит к изображению героя как индивида, наделенного определенными половыми, возрастными, расовыми чертами. Полная деконструкция стереотипных, а потому разрушительных бинарных оппозиций происходит лишь в новых историях рабов. Персонажи в таких романах изображаются не как изолированные и автономные индивидуумы, а как части больших систем: семьи, нации, человечества, то есть писатели показывают, что индивидуальная психология связана с так называемой коллективной психикой. Поэтому порабощенные герои в современных текстах предстают как личности и индивидуальности, как представители определенного народа, класса, этнической группы и в то же время как неповторимые люди со своими интересами, потребностями, способностями и уровнем развития. Образ “Я” строится не как что-то единственное и закрепленное раз и навсегда, но как множественное, подвижное, диалогическое, общинное. Поэтому современные писатели, как

правило, не формулируют законченные определения идентичности, а ставят их под сомнение. Учитывая последние трактовки понятия “идентичность” в психологии, философии, культурологии, авторы новых историй рабов понимают под ним принятие человеком определенных ценностных ориентаций, мифов собственного этноса, системы этических норм и особенностей психологических реакций, стереотипов, касающихся представлений о себе и о других.

Спектр интерпретаций категории идентичности в современных текстах достаточно широк и зависит от мировоззрения и эстетических взглядов писателей.

Существенные отличия между двумя жанрами касаются повествовательной формы и художественного времени. Разница между классическими и новыми историями рабов также обусловлена отходом многих современных авторов от реалистических средств воспроизведения действительности и использованием элементов тех методов, которые они считают убедительными и современными: постмодернизма и магического реализма. Такие тексты направлены на критику традиционной исторической веры в объективность восприятия, аутентичность передачи событий и реализм как средство репрезентации прошлого; они базируются на субъективных, фантастических формах изображения рабства. Современные истории рабов имеют тенденцию к отличиям, обусловленным гендерной принадлежностью писателя, что соответствует и прецедентным текстам.

Таким образом, воспринимая классические истории рабов как прецедентные тексты, авторы новых историй рабов впитывают и / или пересматривают их, следуя целям своих предшественников: противостоять ложным и стереотипным представлениям о черной расе; показывать глубину и особенности культуры собственного этноса; способствовать созданию положительного образа “Я” у представителей своей этнической группы. Новые истории рабов затрагивают общеамериканские проблемы, актуальные в настоящее время – проблемы самоидентификации и самосознания личности в границах мультикультурализма. Появление этих произведений в общем русле американской литературы показало односторонность прежних оценок историко-культурных событий прошлого, выявило относительность канона, расширило понимание личности в литературе. Личность, изображаемая в новых историях рабов, соединяет миф и современность, настаивает на важности человеческого, коллективистского и чистого природного начал. В эпоху глобализации, потери корней, эта литература учит нас помнить о прошлом и не забывать первоистоки, что является одним из основных векторов движения литературы в настоящее время.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Сапожникова Ю.Л. Новые истории рабов в контексте постмодернизма и магического реализма (на материале произведений И. Рида, Ч. Джонсона, Т. Моррисон, Э. Джоунса). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. 188 с. (11, 75 п.л.)

2. Сапожникова Ю.Л. Классические и новые истории рабов: преемственность жанров в творчестве афро-американских писательниц (Г. Джейкобс, Ш.Э. Уильямс и Л. Кэри). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 164 с. (10, 25 п.л.)
3. Сапожникова Ю.Л. Особенности историй рабов, написанных авторами-женщинами // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 160 – 163. (0, 18 п.л.)
4. Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. Чита, 2012. № 2 (43). С. 54 – 56. (0, 12 п.л.)
5. Сапожникова Ю.Л. Исследование тематики памяти в “Возлюбленной” Т. Моррисон // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Ч. 2. Тула, 2012. С. 401 – 410. (0, 56 п.л.)
6. Сапожникова Ю.Л. Магический реализм в афроамериканской литературе // Обсерватория культуры. М., 2012. № 2. С. 111 – 114. (0, 18 п.л.)
7. Сапожникова Ю.Л. Новые повествования рабов как жанровая модификация исторического романа // Вестник Военного университета. Москва, 2011. № 2 (26). С. 64 – 67. (0, 18 п.л.)
8. Сапожникова Ю.Л. Религиозно-философские аспекты “Я” в романе Ч. Джонсона “История пастуха” // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2011. № 1 (13). С. 110 – 120. (0, 62 п.л.)
9. Сапожникова Ю.Л. Способы достижения и цена свободы для рабов в романе Л. Кэри “Цена ребенка” // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2011. № 3. С. 279 – 289. (0, 62 п.л.)
10. Сапожникова Ю.Л. Интертекстуальность в форме пародии в “Бегстве в Канаду” И. Рида // Известия ВГПУ. Сер. “Филологические науки”. Волгоград, 2011. № 2 (56). С. 137 – 140. (0, 18 п.л.)
11. Сапожникова Ю.Л. История возникновения жанра “новые повествования рабов”. К вопросу о некоторых особенностях жанра // Обсерватория культуры. М., 2010. № 6. С. 108 – 113. (0, 31 п.л.)
12. Сапожникова Ю.Л. Проблема самоидентичности в повествованиях черных рабов: Ф. Дуглас и Г. Джейкобс // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2010. № 4. С. 89 – 99. (0, 62 п.л.)
13. Сапожникова Ю.Л. Сочетание евро-американской традиции публичной речи и афро-американской традиции означивания в “Нарративе” Фредерика Дугласа // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2010. № 3 (11). С. 172 – 180. (0, 5 п.л.)
14. Сапожникова Ю.Л. В поисках идентичности: от рабства к свободе (на материале произведения Фредерика Дугласа “Нарратив жизни Фредерика Дугласа, американского раба”) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 3 (83). С. 287 – 294. (0, 43 п.л.)
15. Сапожникова Ю.Л. Религия хозяев VS вера рабов в “Случаях из жизни девушки-рабыни...” Гарриет Джейкобс // Вестник Ленинградского го-

- сударственного университета имени А.С. Пушкина. СПб, 2009. № 5. Т. 2. Серия Филология. С. 169 – 184. (0, 93 п.л.)
16. Сапожникова Ю.Л. Женский взгляд на рабство в “Случаях из жизни девушки-рабыни...” Гарриет Джейкобс // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2009. № 12. С. 265 – 279. (0, 87 п.л.)
 17. Сапожникова Ю.Л. Африканские традиции и европейское и американское влияние в ранней афро-американской литературе // Известия ВГПУ. Сер. “Филологические науки”. Волгоград, 2009. № 5 (39). С. 186 – 190. (0, 25 п.л.)
 18. Сапожникова Ю.Л. Особенности жанра “повествования рабов” // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2009. № 1. С. 249 – 253. (0, 25 п.л.)
 19. Сапожникова Ю.Л. Зарождение афро-американской литературы: необходимость возникновения и истоки // Вестник Университета Российской академии образования. М., 2009. № 1 (44). С. 40 – 43. (0, 18 п.л.)
 20. Сапожникова Ю.Л. Ироническое обыгрывание и переосмысление традиционных художественных форм в романе Ч. Джонсона “Переход через Атлантику” // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 24. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 265 – 271. (0, 37 п.л.)
 21. Сапожникова Ю.Л. Троп “говорящая книга” в классических историях рабов и пересмотр темы грамотности в новых историях рабов // Книга в современном мире: материалы международной научной конференции (Воронеж, 26-28 февраля 2013). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. С. 228 – 235. (0, 43 п.л.)
 22. Сапожникова Ю.Л. Double Language of Frederick Douglass in his “Narrative”: Public Speaking of an Abolitionist and Signifying of a Slave // Культурно-политологические аспекты американистики: материалы международных конференций / под ред. М.Р. Кауль. М.: РГГУ, 2013. Р. 107 – 111. (0, 25 п.л.)
 23. Сапожникова Ю.Л. “История пастуха” Ч. Джонсона как попытка пересмотра классических повествований рабов // Россия и Запад: диалог культур: Сборник статей XIV международной конференции (24-26 ноября 2011 г.). Выпуск 16. Часть III. Москва: Центр по изучению взаимодействия культур, 2012. С. 403 – 413. (0, 62 п.л.)
 24. Сапожникова Ю.Л. Жанр “новые повествования рабов”: многообразие предлагаемых терминов, классификации, связь с произведениями первых афро-американских писателей // Язык и культура / отв.ред. С.В. Гураль. Томск: Томское университет. изд-во, 2011. Т. 1. С. 336 – 339. (0, 18 п.л.)
 25. Сапожникова Ю.Л. Творчество Э.А. По как материал для пародии и предмет восхищения в романе И. Рида “Бегство в Канаду” // Феномен творческой личности в культуре. Фатюшенковские чтения. Материалы IV международной конференции. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2011. Т. 2. С. 153 – 159. (0, 37 п.л.)
 26. Сапожникова Ю.Л. Мотивы Какуана Шиена и Германа Гессе в романе Чарльза Джонсона “История пастуха” // Американистика: литературные

- взаимовлияния; междисциплинарные исследования. Выпуск 2. / Отв. ред. Э.Ф. Осипова. – СПб.: Нестор-История, 2011. С. 34 – 37. (0, 18 п.л.)
27. Сапожникова Ю.Л. Возможность диалога между расами в романе Ш.Э. Уильямс “Десса Роуз” // Актуальные проблемы германистики и романистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции. Часть II: Язык в тексте / отв. ред. Г.И. Краморенко. Вып. 14. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 283 – 289. (0, 37 п.л.)
28. Сапожникова Ю.Л. Материнство как важная часть женской идентичности в “Дессе Роуз” Ш.Э. Уильямс, одном из новых повествований рабов // Актуальные проблемы лингвистики и методики: материалы междунар. межвуз. науч.-практ. конференции. Вып. 3. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2010. С. 163 – 167. (0, 25 п.л.)
29. Сапожникова Ю.Л. Роман Гарриет Джейкобс “Случаи из жизни девушки-рабыни” (Каноны сентиментализма и их пересмотр) // Американистика: литературные взаимовлияния; междисциплинарные исследования. Вып. 1. / Отв.ред. Э.Ф. Осипова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 5 – 8. (0, 18 п.л.)
30. Сапожникова Ю.Л. Жанр “Повествования рабов” как основа афроамериканской литературы // Россия и Запад: диалог культур: Сборник статей XIII международной конференции (26-28 ноября 2009 г.). Вып. 15. Часть II. Москва: Центр по изучению взаимодействия культур, 2010. С. 292 – 299. (0, 43 п.л.)
31. Сапожникова Ю.Л. Метафора: многообразие подходов // Культура как текст: Сборник научных статей. Вып. 6. Москва: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2006. С. 247 – 255. (0, 5 п.л.)
32. Сапожникова Ю.Л. Различные типологии метафор // Стилистика текста: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 96 – 101. (0, 31 п.л.)
33. Сапожникова Ю.Л. Понятие “мотив” и его роль в раскрытии художественно-языковой картины мира // Вторые Авраамиевские чтения: Материалы научно-практической конференции. Смоленск: Изд-во “Универсум”, СГУ, 2004. С. 170 – 172. (0, 12 п.л.)
34. Сапожникова Ю.Л. К вопросу о художественной картине мира // Язык. Человек. Культура: Материалы международной научно-практической конференции 22 октября 2002 года, Смоленск. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 181 – 186. (0, 31 п.л.)
35. Сапожникова Ю.Л. Роль корневой метафоры в понимании языковой картины мира // Актуальные проблемы германистики и романистики: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. Вып.5. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 39 – 45. (0, 37 п.л.)
36. Сапожникова Ю.Л. Язык и культура: многообразие подходов // Культура как текст: Материалы научной конференции. Смоленск: Изд-во “Универсум”, 2002. С. 39 – 47. (0, 5 п.л.)